

Фонд Общественное Мнение

Ресурсы российского добровольческого движения

Аналитический доклад по результатам исследований
Фонда Общественное Мнение
2012–2013 гг.



Ресурсы российского добровольческого движения

Аналитический доклад по результатам исследований
Фонда Общественное Мнение
2012–2013 гг.



Авторский коллектив: Барсамова А.А.(волонтер-исследователь), Галицкая Е.Г., Иванова И.И., Илюмжинова Р.В., Каплун В.В. (волонтер-исследователь), к. соц. н. Климов И.А. (волонтер-исследователь), к. филос. н. Климова С.Г. (аутсорсер-исследователь), Миговарова Е.В., Осипова И.Г., к. филос. н. Петренко Е.С., Рапопорт С.А., к.э.н. Дудченко О.Н. (волонтер-исследователь), Мытиль А.В. (волонтер-исследователь), Шуваева Е.И. (волонтер-исследователь), Щербакова И.В. (волонтер-исследователь).

Научное редактирование: Климова С.Г., Петренко Е.С.

Полевые работы: Акулова О.И., Васильева Л.М.

Лит. редактирование: Каневская М.В.

Верстка: Данилова А.С., Королькова С.Ю.

Оглавление

Предисловие. Знание против мифов	3
Рекомендации по развитию добровольчества в Российской Федерации на основе исследований Фонда Общественное Мнение (март 2012 – март 2013)	4
Эмпирическая база доклада	7
Социокультурный контекст развития добровольческого движения в России.....	9
Масштабы институционального добровольчества	13
Актеры добровольческого движения: «волонтеры» и «активисты»	23
Самоуправление и защита интересов жителей как направление добровольческого движения	26
Социальное новаторство – модернизационный эффект добровольческого движения	30
Барьеры развития российского добровольческого движения и возможные механизмы их снятия.....	36
Проблемы добровольческого движения	47
Частные (психологические) трудности и проблемы добровольцев.....	52
Гражданский климат и гражданское поведение.....	60
Вместо заключения: особенности российского добровольческого движения	64

Предисловие. Знание против мифов

Проблемы гражданского общества в последнее время продвигаются к центру общественного внимания.

Одновременно активизировалось обсуждение вполне конкретных проблем, с которыми гражданское общество сталкивается в повседневной жизни. Обсуждаются и достижения гражданского общества – все больше ощущается его вклад в решение насущных проблем людей. Результат – разнообразные попытки осмысления ситуации. И здесь также складывается своя мифология – и мотивирующая, и воздвигающая новые барьеры.

Как всегда, мифология радикальна. Главный миф – отсутствие гражданского общества в России.

Немало мифов сложилось и вокруг волонтерства, тем более что в общественном мнении доминирует представление, что у нас его тоже фактически нет. То есть, конечно, есть отдельные проявления, но это «совсем не то».

Мифы – зыбкое основание для устойчивого развития. Для него нужен более прочный фундамент знания реалий. Именно поэтому так ценны эмпирические исследования, анализирующие различные стороны развития гражданского общества.

Брошюра, подготовленная по результатам исследования Фонда Общественное Мнение, посвящена социологическому анализу российского феномена добровольчества. Это, к сожалению, редкий пример глубокого проникновения в такую систему социальных отношений, выявления реалий, мотивов и барьеров, определяющих характер отечественного добровольчества. Перед читателем предстает объемная, во многом драматичная картина.

Тех, кто занят развитием гражданского общества в целом, особенно привлекают сюжеты, связанные с гражданским климатом и гражданским поведением. Ведь именно люди, демонстрирующие гражданское поведение, составляют основу гражданского обще-

ства, задают его образцы и нормы, своим примером содействуют расширению его рядов.

Конечно же, крайне важен социологический портрет отечественного добровольчества, в том числе его «зеркало» – отношение к волонтерам социального окружения. Но так или иначе, «теорема существования» российского добровольчества отныне доказана.

Не хочется подробно останавливаться на всех темах исследования – читатель сам выберет актуальные для него сюжеты. Потенциальные читатели брошюры – активисты гражданского общества, члены общественных палат различного уровня, – безусловно, найдут в ней данные и аргументы, способствующие их нелегкой миссии – развитию российского гражданского общества.

*Председатель Комиссии Общественной палаты РФ
по развитию гражданского общества, взаимодействию
с общественными палатами субъектов Федерации, д.э.н.
И. Е. Дискин*

Рекомендации по развитию добровольчества в Российской Федерации на основе исследований Фонда Общественное Мнение (март 2012 – март 2013)

Основная цель развития добровольчества – рост потенциала прямого гражданского участия во всех значимых сферах жизни общества; формирование культуры и традиций такого участия.

Направления работы и ожидаемый эффект

1. Поскольку добровольчество в разных регионах (и даже населенных пунктах) страны развивается в разных темпах и масштабах, есть смысл создавать ресурсные центры добровольчества в столицах тех регионов, где, по данным социологических исследований, добровольчество наиболее развито и где есть наибольший потенциал добровольческого участия. По нашим данным, это Екатеринбург, Казань, Самара, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург и Москва.

Предлагаемые меры. Там, где добровольчество менее распространено, предлагается развивать определенное направление – которое уже возникло (или может возникнуть), потому что инициативный человек или группа людей ведут эту работу (например, занимаются охраной памятников культуры или социальной реабилитацией алкоголиков).

Ожидаемый эффект. Концентрация ресурсов позволит достичь успеха в той или иной деятельности, что, в свою очередь, может повысить привлекательность добровольческой работы не только в направлении, заданном инициаторами, но и в других сферах.

2. Наше исследование выявило проблему **разобщенности волонтерского движения**. Диалог затруднён из-за отсутствия навыков координации и необходимых для этого ресурсов.

Предлагаемые меры. Координацию могли бы взять на себя региональные добровольческие центры или общественные палаты при условии, что такие функции будут делегированы им представителями общественных организаций.

Ожидаемый эффект. Формулировка общих для многих проблем и выражение консолидированной позиции по этим проблемам. Возможность законодательных инициатив для их решения.

3. Наши данные свидетельствуют о том, что неформальное объединение общественных организаций позволяет всем участникам **использовать ресурсы сети тогда, когда собственных ресурсов не хватает**, и обмениваться ими для достижения целей той или иной группы (организации).

Предлагаемые меры. Создание «банка ресурсов» и его совместное использование.

Ожидаемый эффект. Обмен ресурсами позволит не только решать проблемы текущей деятельности, но и оперативно согласовывать точки зрения на общие проблемы и задачи, формировать собственное представительство для участия в работе общественных палат всех уровней и в других структурах.

4. Наши результаты свидетельствуют о том, что доверие социально ориентированным общественным организациям и их лидерам, а также готовность участвовать в их деятельности зависит от информированности населения об их работе.

Предлагаемые меры. Привлекать внимание СМИ к деятельности общественных организаций, с одной стороны, и обучать лидеров и активистов навыкам общения с прессой, написания пресс-релизов – с другой.

Ожидаемый эффект. Рост уровня информированности о деятельности тех или иных организаций позволит формировать репутации этих организаций и их лидеров, и соответственно привлекать граждан к их деятельности, а также подтягивать другие ресурсы.

5. Анализ мотивации добровольческой деятельности показывает, что существуют, с одной стороны, альтруистические мотивы общественного служения, а с другой стороны – мотивы, детерминированные личными амбициями (успех, карьера). Они могут существовать отдельно, но могут и соединяться в мотивации одного и того

же человека. Но и тех, и других стимулирует успех деятельности. Однако карьерная мотивация в чистом виде ведет к экономии личных ресурсов и соответственно к имитации деятельности. Такие примеры нам тоже встречались в исследовании.

Предлагаемые меры. Стимулирование участников добровольческой работы возможностями карьерного роста следует соотносить с конкретными результатами деятельности. Соответственно необходимо выработать и согласовать критерии эффективной деятельности и использовать их, например, при выделении грантовой поддержки общественным организациям со стороны властей и предпринимательского сообщества.

Ожидаемый эффект. Использование согласованных критериев эффективной деятельности общественных организаций позволит поддерживать и популяризировать действительно работающие организации, избежать дискредитации добровольческого движения поддержкой тех, кто лишь имитирует общественную работу.

6. Участие добровольцев в деятельности общественных организаций, как показывает наше исследование, не является для всех этих организаций безусловно необходимым. Для многих организаций участие добровольцев значимо тогда, когда волонтеры имеют профессию или специальную подготовку, востребованную в организации (юридическую, медицинскую, психологическую, и пр.).

Предлагаемые меры. Проводить обучение (стажировку) волонтеров в наиболее успешных общественных организациях и стимулировать эту работу соответствующими грантами.

Ожидаемый эффект. Трансляция опыта успешной добровольческой деятельности. Расширение социальной базы добровольческой деятельности.

7. Исследование выявило ряд специфических проблем общественной активности, связанных с деятельностью общественных организаций и инициативных групп по месту жительства вокруг территориальных проблем. Например, есть трудности в доступе к информации о перспективах развития территории; не развит институт публичных слушаний.

Предлагаемые меры. Выработка понятных людям правил проведения публичных слушаний. Обучение активистов правилам проведения публичных слушаний. Законодательное обеспечение права жителей на информацию, связанную с развитием территорий.

Ожидаемый эффект. Уменьшение социальной напряженности вокруг проектов власти, связанных с развитием территорий. Повышение компетентности и информированности жителей, обеспечение их реального участия в развитии своих территорий, решение задач сбалансированного социально-экономического развития территорий.

8. Исследование выявило запрос на легитимацию и прозрачность взаимодействия между обществом и властью. Чтобы добиться улучшения дел в той или иной сфере, активистам приходится добиваться изменения неэффективных, несправедливых, непрозрачных правил, а значит, неизбежно вступать в конфликты с властями разного уровня.

Предлагаемые меры. Разработать социальные технологии согласования интересов и соответствующие площадки (например, на базе общественных палат). Создавать системы информирования общественности о готовящихся решениях властей и реальной включенности общественников в их подготовку.

Ожидаемый эффект. Повышение социальной эффективности проектов власти, уменьшение числа управленческих ошибок и непопулярных решений. Использование потенциала социально активных граждан для решения проблем, а не для протестных действий; согласование интересов разных групп влияния. Предотвращение социальной напряженности.

9. Объединения профессионалов и профсоюзы оказываются подчас за границей процессов, которые происходят в других структурах гражданского общества (общественных организациях, объединениях, инициативных группах). Вместе с тем, как показывают наше и другие исследования, профессиональные объединения граждан являются весьма влиятельными в своих сферах деятельности.

Предлагаемые меры. Привлекать профсоюзы и объединения профессионалов в инициативах общественных организаций и объединений как в качестве экспертов, так и в качестве социальных субъектов, заинтересованных в решении общих проблем.

Ожидаемый эффект. Аккумуляция ресурсов; повышение уровня компетентности действий и совместных решений.

Эмпирическая база доклада

Начиная с конца нулевых, результаты опросов общественного мнения устойчиво фиксируют становление или, точнее, обновление набора ценностей, задающих правила общежития, взаимодействия и взаимопомощи, солидарности на ближней социальной дистанции: по месту работы, учебы, жительства, в пределах досуговых групп и объединений. Такие тенденции прослеживаются прежде всего среди представителей авангардных (инновационно ориентированных, опережающих) групп. Последние опознаются, в частности, по их неравнодушию к решению гражданских проблем, вовлеченности в помогающее поведение, в социальную, конструктивную и протестную активность. О том, что такие социальные акторы в российском обществе уже сформировались, свидетельствуют инициативы последних лет, довольно быстро ставшие массовыми: например, тушение лесных пожаров летом и ликвидация последствий ледяных дождей зимой 2010 года, массовые протестные акции против фальсификации результатов думских выборов зимой 2011–2012 годов, волонтерская помощь пострадавшим от наводнения в Крымске в 2012 году. Об этом же свидетельствуют результаты и Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ¹, и исследований Левада-центра², ВЦИОМа³, а также исследования, проведенного экспертами Центра гражданского анализа и независимых исследований (Центр ГРАНИ)⁴, – результаты последнего позволили авторам сделать вывод, что «основной причиной для прихода в публичное пространство разнообразных самоорганизованных, самостоятельных групп граждан стали «залежи» острейших местных проблем и необходимость самореализации че-

¹ Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение // Мониторинг гражданского общества. Вып. VI. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

² <http://www.levada.ru/books/perspektivy-grazhdanskogo-obshchestva-v-rossii-2011>

³ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113956>

⁴ [http://grany-center.org/userfiles/File/issled_activity_otchet\(1\).pdf](http://grany-center.org/userfiles/File/issled_activity_otchet(1).pdf)

ловека как творца качества своей жизни и перемен в жизни важного для него сообщества...»

Объектом исследований Фонда Общественное Мнение, результаты которого составили эмпирическую базу этого доклада, стали мировоззренческие установки, ценностные ориентации, мнения жителей крупных региональных центров РФ, оценки и интерпретации руководителями и активистами добровольческих организаций процессов становления, проблем и перспектив развития российского добровольческого движения⁵. В докладе также были использованы результаты:

- массовых общенациональных опросов, еженедельно проводимых ФОМом в 2012–2013гг. среди россиян старше 18 лет (технология ФОМнибус);
- фокусированные групповые дискуссии с добровольцами и углубленные интервью с руководителями добровольческих организаций, ассоциаций в десяти российских городах с населением более миллиона человек, проведенные ФОМом в апреле 2012 г.;
- вторичный анализ материалов разведывательного исследования ФОМа «Потенциал развития добровольческого движения» 2010 года, в рамках которого проводились углубленные интервью с лидерами общественных организаций⁶;
- вторичный анализ материалов исследования «Некоммерческие общественные организации и их лидеры», проведенного ФОМом в 2001 г. в рамках подготовительной работы по формированию состава Общественной палаты при президенте РФ⁷.

⁵ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 127–рп.

⁶ В рамках исследования были проведены интервью с В. Бахминым – правозащитником, консультантом Фонда Мотта в России; В. Берхиным – президентом благотворительного фонда «Предание»; И. Аверкиевым – экспертом Пермской гражданской палаты.

⁷ Поговорим о гражданском обществе / М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. Используются материалы интервью 2001 г. с лидерами общественных организаций.

Социокультурный контекст развития добровольческого движения в России

Результаты исследований последних лет⁸ свидетельствуют о том, что российское добровольческое движение постепенно расширяется, все больше людей из разных социальных групп вовлекаются в социально значимые инициативы в качестве инициаторов и / или волонтеров. Много и тех, кто пусть пока и не стал добровольцем, но не исключает для себя такую возможность. Однако сегодня этот ресурс еще практически не актуализирован, его социальный адрес не опознается, и соответственно он не задействован.

И хотя апеллировать в случае несправедливости к общественным организациям готовы всего 3% респондентов, тем не менее осведомлены о негосударственных общественных некоммерческих организациях граждане России достаточно хорошо. Знают или хотя бы слышали о них 76% респондентов. Речь идет о политических партиях (49% от всех опрошенных), профсоюзах (45%), садовых и дачных товариществах (42%), обществах защиты прав потребителей (40%), объединениях ветеранов Великой Отечественной войны, «афганцев» и «чернобыльцев» (40%), о товариществах собственников жилья и жилищных кооперативах (38%), обществах инвалидов (38%) и других структурах: экологических, правозащитных, благотворительных (от 8% до 24%). А вот доверяют тем или иным организациям лишь 37% опрошенных. Больше других пользуются доверием общества защиты прав потребителей (12%), ветеранские организации (9%), садовые дачные товарищества (8%), профсоюзы (тоже 8%) и общества инвалидов (7%). Политическим партиям, правозащитным организациям, религиозным общинам доверяют всего 4%.

⁸ Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под ред. Патрушева С.В. М.: ИСПИ РАН, 2006; Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения // Мониторинг гражданского общества. Выпуск 1. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ. 2007; Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. Под редакцией Петренко Е.С. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

За последние два – три года каждому четвертому россиянину случалось безвозмездно поработать на благо других людей. Большинство респондентов занимались такой деятельностью в одиночку (13%). Примерно такое же количество россиян были вовлечены в добровольческую работу через те или иные организации. В основном это происходило по месту работы (4%) или жительства (3%), а также в составе инициативных групп (2%).

Из каких социальных слоев рекрутируются участники добровольческого движения

Наши исследования показали, что средой развития добровольческого движения стали или могут стать наиболее активные, «опережающие» группы россиян. Такие группы мы аналитически выделили с помощью эмпирических индикаторов, отработанных ФОМом в 2005–2008 годах⁹. Представителей массовых авангардных групп отличает современный стиль жизни, включенность в передовые гражданские, досуговые и потребительские практики. Этот стиль жизни предполагает, с одной стороны, деловые поездки за рубеж, **бизнес как стиль жизни**, инструментальное (не досуговое) использование компьютерных и интернет-технологий, с другой – **высокий стандарт повседневного потребления** (фитнес-центры, косметические салоны, доставка товаров на дом, банковские кредиты и др.), с третьей – включенность в **конструктивные гражданские практики**.

Для идентификации респондентов с такого рода стилем жизни нами был разработан тест. Набор индикаторов в нем сконструирован так, чтобы идентифицировать следующие три стиля жизни респондентов: 1 – ориентированные на опережающие формы проведения досуга; 2 – нацеленные преимущественно на карьерный, профессиональный успех; 3 – коллективисты-общественники. В добровольчество в большей или меньшей степени могут быть вовлечены и те, и другие, и третьи, но мотивация, уровень включенности и стратегии участия в такой деятельности – разные.

Первая категория атрибутов для эмпирической идентификации искомым *авангардных групп* лежит в основе ФОМ-теста «Люди-21», который с 2006 года включается в социально-демографический блок всех анкет репрезентативных общенациональных опросов ФОМа.

⁹ Оберемко О.А. Опережающие группы, или Смотрите, кто приходит... / Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры; Под ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 249–276.

Что касается двух других индикаторов для эмпирической идентификации респондентов, ориентированных преимущественно (т. е. с поведенческими доминантами) **на общественное служение (добровольческую активность)** или *на карьерный успех*, то нами был эмпирически отработан тест для идентификации включенности респондентов в гражданские или карьерно-достижительные практики:

1. **заниматься общественными проблемами по месту жительства**
2. посещать кинотеатр
3. *менять работу, сферу занятости*
4. изучать иностранный язык
5. **участвовать в деятельности общественных организаций, добровольческих центров**
6. заниматься в спортивном клубе, фитнес-центре
7. **помогать коллегам, соседям**
8. *отдыхать за границей*
9. *быть инициатором нововведений у себя на работе, вносить рациональные предложения*
10. *приобретать одежду престижных марок*
11. *работать сверхурочно, в выходные дни*
12. посещать музеи, галереи концертные залы, театры
13. **участвовать в массовых акциях, митингах**
14. **помогать незнакомым людям**
15. *получать дополнительное образование, повышать квалификацию*
16. *добиваться повышения своей зарплаты*
17. *совершать деловые поездки за пределы России*

Этот тест позволяет идентифицировать потенциальных и реальных участников добровольческого движения. Те, кто при ответе на этот вопрос выбрал хотя бы одну (или более) из позиций 1, 5, 7, 13, 14, можно считать граждански ориентированными и следовательно составляющими потенциал развития российского добровольчества. Будем именовать их **гражданскими активистами**. Гражданские активисты не только чаще прочих респондентов безвозмездно помогали незнакомым людям, коллегам, соседям, но и сами значительно чаще остальных получали помощь. Они чаще прочих говорят о своём участии в организации массовых мероприятий, в публичных дискуссиях; имеют опыт деятельности в каких-либо инициативных группах, организациях, объединениях.

Помогающее поведение – первый шаг к общественно полезной активности

Феномен «помогающего поведения» выступает базой общественной активности, создает атмосферу, располагающую к добровольческой деятельности. Принято различать помогающее и альтруистическое поведение. Последнее отличается от помогающего отсутствием иных целей, кроме блага других людей. Мотивами же помогающего поведения могут быть и чувство долга, и моральные обязательства, и благодарность, и расчет или надежда на ответную помощь либо оплату.

За последний год 82% респондентов помогали другим людям безвозмездно, 61% получали помощь сами. Адресаты помощи – в большинстве из ближнего круга: родственники и друзья. Однако и незнакомым помогал каждый пятый из ответивших на этот вопрос. Обратим внимание на несимметричность оценок масштабов помогающего поведения: респонденты чаще говорят о том, что *помогали сами*, чем о том, что получали помощь. Скорее всего, эта несимметричность обусловлена разной социальной желательностью предоставления и получения помощи. Наиболее распространенные практики помогающего поведения – помощь деньгами, в домашних делах, вещами, продуктами, советами.

Тем не менее почти две трети респондентов (62%) заявили, что среди окружающих их людей готовность помогать друг другу встречается редко. Противоположное мнение – что готовность помогать встречается часто – встречается примерно вдвое реже (28%). Видимо, здесь мы имеем дело со стереотипами, которые повседневный опыт пока не разрушил.

Судя по результатам нашего исследования, в России постепенно формируется социальная среда добровольчества в следующих форматах:

- а) информационное пространство добровольчества (пока, впрочем, не слишком широкое);
- б) нормативное пространство добровольчества – доминирующего в обществе одобрения этой деятельности;
- в) социальное пространство добровольчества – сети социальной поддержки и пополнения рядов добровольцев.

Социальная среда добровольческой деятельности

Политологи, социологи, политики утверждают¹⁰, что гражданское общество невозможно без развития добровольчества. Этот тезис можно уточнить, сказав, что добровольчество, собственно, и составляет «живую ткань» гражданского общества, потому что разного рода общественные организации без добровольцев – это институциональные структуры, в большей или меньшей степени включенные в систему властных отношений. В то же время добровольчество, лишенное всяких организационных структур и правил деятельности, – это лишь точечное, более или менее массовое помогающее поведение, которое довольно трудно выделить в социальном пространстве. Возникает вопрос: оформилось ли добровольчество в нашей стране настолько, чтобы быть заметным человеку, не вооруженному специальным инструментом – социологическим либо психологическим?

Заметность добровольчества для обывателя – это информированность об активистах, отношение к ним, а также представления о социальной полезности общественной деятельности. Участники массовых опросов выглядят не слишком информированными о работе гражданских активистов. Знают о деятельности активистов только 15%, еще 35% – «что-то слышали». Информированность или не информированность о добровольцах является важным различительным индикатором, позволяющим говорить не просто об «информационном эхе добровольчества», но о социальной среде добровольческой деятельности.

Так, *информированные* (то есть так или иначе включенные в добровольческую среду) и сами проявляют *большую* социальную активность. Свыше трети из них (37%) за последние год-два помогали незнакомым людям, а больше половины (54%) помогали коллегам и соседям. *Информированные* чаще помогают другим, чем те, кто ничего об активистах не слышал: 88% из числа первых за последний год безвозмездно помогали кому-либо, тогда как среди вторых такие встречаются реже – 77%.

Помощь информированных горожан – в значительной мере квалифицированная, тогда как помощь неинформированных, которая к

¹⁰ См. например: Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. №–3 С. 3–18; Ядов В.А., Климова С.Г., Халий И.А., Климов И.А., Кинсбургский А.В., Топалов М.Н., Клеман К. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста (http://www.civisbook.ru/files/File/Socialnaya_baza.pdf).

тому же и оказывается заметно реже, – по преимуществу бытовая, житейская: собственными физическими усилиями, едой или одеждой. Практики помогающего поведения распространены в нашем обществе гораздо шире, чем практики добровольчества, и первые являются базой, социальной средой для становления вторых. Возможно, информация о деятельности активистов дает толчок для развития помогающего поведения, а широкое распространение помогающего поведения в свою очередь становится питательной средой добровольчества.

Сегодня отношение к активистам скорее доброжелательное: 71% относятся к ним с одобрением, а безразлично – только 23%. Респонденты, информированные о деятельности активистов в своем городе, чаще относятся к ним с одобрением (83%), по сравнению с теми, кто ничего об их деятельности не знает (59%). Личное общение еще больше способствует хорошему отношению. Абсолютное большинство респондентов (87%), у которых есть знакомые среди активистов, говорят, что с одобрением относятся к активистам в целом. Почти две трети (62%) тех, кто одобряет активистов, сами готовы объединяться для совместных действий с другими людьми, если их идеи и интересы совпадают. А среди безразличных к активистам готовых к совместным действиям вдвое меньше (31%).

Масштабы институционального добровольчества

Основанная на принципах доброй воли и безвозмездности, добровольческая деятельность реализует три важнейших социальных функции:

- *компенсация дефектной работы институциональных механизмов*: взаимопомощь граждан и, как следствие, самоорганизация общества возникают тогда, когда институциональные механизмы не работают должным образом;
- *формирование социальной субъектности*: добровольчество делает граждан ответственными субъектами своей жизни; это сфера, дающая простор созидательной инициативе, которая является важным вкладом в достижение целей социальной политики страны, в повышение качества жизни граждан¹¹;
- *проявление личной гражданской активности* в ситуации, когда другие формы гражданской активности невозможны либо неинтересны.

Добровольчество отличается от других способов оказания помощи не только безвозмездностью, но и способом организации деятельности. Это независимая низовая организация граждан, и выбор, как и кому оказывать поддержку, здесь прежде всего индивидуальный¹².

Гражданская активность может проявляться как в форме личной независимой деятельности, так и в рамках какой-либо организации: благотворительной, правозащитной, экологической и т. д. Последнюю форму будем называть *институциональным добровольчеством*.

¹¹ Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. №1054-р.

¹² «Ведомости ФОРУМ» По итогам VII ежегодной конференции «Благотворительность в России», проведенной газетой «Ведомости» 1 марта 2011 г. в Москве. 2011. №3. С.27.

Четверть¹³ жителей крупных городов (24%) имеют опыт участия в работе той или иной общественной организации (13% – в деятельности одной, 6% – двух, 5% – трех и более организаций). Однако эта деятельность чаще всего кратковременна: из тех, кто когда-либо участвовал в работе добровольческих организаций, лишь 6% делают это и по сей день.

Организованную (институциональную) общественную деятельность мы разделили на шесть видов и спросили у горожан, участвуют ли они в них:

- 1) общественно-полезные дела с массовым участием (это, например, такие виды деятельности, как субботники, общественные слушания, ликвидация аварий, проведение общегородских праздников и других мероприятий) – 48% жителей региональных центров;
- 2) досуговая деятельность, увлечения (религиозные общины, краеведческие объединения, культурные, спортивные, и пр.) – 22%;
- 3) объединения самопомощи и помощи слабым (ветеранские, благотворительные сообщества и организации) – 11%;
- 4) жилищное самоуправление и защита интересов жителей – 20%;
- 5) профессиональные ассоциации и профсоюзы – 16%;
- 6) защита гражданских и политических прав (общества защиты прав потребителей, прав отдельных категорий граждан (женщин, инвалидов, молодежи; правозащитные организации) – 7%.

Среди видов социальной активности, отнесенной нами к первому роду деятельности, чаще всего упоминаются субботники, мероприятия по благоустройству дома, прилегающей территории (32%). Близкое направление, но требующее несколько большей инициативы, – это участие в ремонте, уборке подъезда силами жильцов (18%). Мероприятия, требующие нескольких больших ресурсов (социальных, материальных, временных) – такие, как бесплатная работа в общественных организациях (3%), участие в проведении досуговых, культурных, благотворительных, оздоровительных и других мероприятий (7%), – менее популярны.

Среди объединений по увлечениям (второй вид) популярны спортивные сообщества (8%). На втором месте – интернет-сообщества

¹³ Здесь и далее приводятся данные массового опроса жителей городов-миллионеров.

(7%). Туристические, охотничьи, автомобилистские объединения (клубы туристов, охотников, рыболовов) отметили 4%. Столько же – членов творческих групп, художественной самодеятельности. Членами культурных объединений (любителей книги, музыки, кино, живописи, театра, танцев и пр.) считают себя 3% горожан. Столько же заявили о себе как о членах религиозных приходов. Другие объединения по интересам (коллекционеры, любители кино, землячества и пр.) отмечают два и менее процентов горожан.

Работа в организациях помощи и самопомощи требует большей включенности и инициативы, чем досуговые виды деятельности. Неудивительно, что лишь 11% участвовали в подобных инициативах. Среди них чаще всего встречаются участники благотворительных акций (4% сбор денег / вещей бездомным, детским домам, пострадавшим, нуждающимся и т. п.), а также активисты благотворительных организаций, фондов, помогающие детским приютам, жертвам насилия, беженцам, бездомным и т. п. (3%). Отметим, что в деятельности благотворительных интернет-сообществ участвовали только 1% горожан.

Участие в работе органов территориального самоуправления принимал каждый пятый участник опроса (20%). Участвовали в деятельности товариществ собственников жилья, жилищно-строительных кооперативов, в органах территориального общественного самоуправления, в инициативных группах по благоустройству территории 4%. Столько же среди участников нашего опроса являются старшими по домам или подъездам. В органах школьного / студенческого самоуправления, которые могут носить формат студенческого или школьного совета, совета общежитий и т. д., также участвовали 4% респондентов. А 3% принимали участие в инициативах по защите прав и интересов жителей.

В работе профсоюзов или профессиональных ассоциаций (ученых, художников, журналистов, бизнес-объединений и пр.) участвуют 16% опрошенных горожан. Самая большая доля – это те, кто когда-либо участвовал в деятельности профсоюзов (9%). В работе профессиональных ассоциаций / творческих союзов задействованы были лишь 3%.

Защита гражданских и политических прав сегодня слабо распространена среди респондентов – как минимум потому, что такая деятельность требует высокого уровня профессионализма и самоотдачи. Тем не менее 7% опрошенных горожан участвовали в таких инициативных объединениях: 3% – в деятельности общества защиты прав потребителей, 2% – в деятельности защиты прав молодежи,

1% – в молодежных политических организациях и движениях, 1% – в деятельности общества защиты прав женщин.

В настоящее время именно общества по интересам наиболее привлекательны для добровольцев. Что же касается потенциальной готовности к участию в добровольчестве в перспективе, растет заинтересованность респондентов в сотрудничестве с обществами помощи, самопомощи. Возможно, это связано с тем, что именно общества помощи *ведут наиболее активную, внятную информационно-просветительскую деятельность, их социальный образ одновременно наиболее эмоционально нагружен и наименее политизирован*. Также можно высказать предположение, что эти результаты свидетельствуют о большей распространенности установок на «помощь тому, кому меньше повезло в жизни». Это наблюдение подтверждается высказываниями экспертов о том, что волонтерство постепенно становится нормой среди определенных групп населения, в первую очередь среди обеспеченной молодежи; что общественные организации в целом не испытывают серьезных проблем с привлечением добровольцев – при наличии информации волонтеры сами предлагают свои услуги.

Работа общественных организаций с добровольцами

Добровольчество рассматривается большинством общественных организаций как ресурс для развития их деятельности, а само наличие добровольцев (волонтеров) является необходимой составляющей их работы. Однако НКО, как правило, не выделяют работу с волонтерами в качестве самостоятельного направления, требующего функционально-организационного оформления в виде специальной структуры или сотрудника, занимающегося только вопросами волонтерства.

Судя по результатам исследования, добровольчество развивается в нашей стране стремительными темпами: *«народ просыпается, люди очень хотят помогать, быть волонтерами»*. И возникает ситуация, когда спрос на добровольческие услуги и предложение находятся в динамическом балансе. По крайней мере, ни одной из участвовавших в исследовании общественных организаций не пришлось прилагать специальные усилия, чтобы заручиться помощью добровольцев. Высказывания *«мы никого не ищем сами», «каких-то особых усилий мы не прилагали»* были типичными при описании процесса взаимодействия с добровольцами. Как неоднократно гово-

рили эксперты, достаточно дать информацию, что есть общественная организация, которая специализируется на том-то, – и добровольцы сами предлагают помощь.

Как правило, общественные организации не занимаются жестким отбором волонтеров: достаточно, чтобы человек был *«адекватен»* (наиболее распространенное определение) и выражал готовность работать на добровольных основах. А дальше *«мы найдем применение любому человеку»*. В редких случаях – и только когда деятельность общественной организации связана с оказанием помощи детям или «группам риска», – соискатели-волонтеры проверяются на толерантность и отсутствие «личной» причины участвовать в работе с подопечными общественной организации.

Другими словами, большинство руководителей НКО полагаются на *«естественный отбор»*, в результате которого с организацией остаются только те добровольные помощники, которые на практике убедились, что данный вид деятельности им подходит, что они разделяют принципы и методы работы общественной организации.

Таким образом, можно сделать вывод, что общественные организации в большинстве относятся к добровольчеству как к естественным ресурсам – радуются их наличию, пользуются ими.

В чем же специфика деятельности тех немногих общественных организаций, которые занимаются работой с волонтерами: осуществляют их серьезный отбор, заключают с ними контракты, обучают, регулярно отслеживают результаты их деятельности и, если это необходимо, расстаются с неподходящими добровольными помощниками?

Во-первых, все они (в нашей выборке) относятся к типу обществ помощи. Это существенно, потому что именно данный сектор НКО наиболее активно развивался в течение последнего десятилетия, именно он создал большинство позитивных практик и развил новые технологии работы с населением, властью и бизнесом.

Во-вторых, если проанализировать историю их создания, можно отметить, что учредители и руководители этих организаций изначально относились к предмету общественной деятельности как к бизнес-проекту, где цель увязана с ресурсами, ресурсы требуют эффективной работы, а результат этой работы имеет зримые сроки воплощения.

В-третьих, у всех этих общественных организаций присутствовал «первоначальный капитал» в виде технологий работы (в том числе с ресурсными группами – потенциальными спонсорами и добровольцами). Можно также предположить, что у этих организаций

были мудрые учредители или менеджеры, понимающие, что работа по организации общественной деятельности тоже стоит денег: *«добровольцы понятно, не финансируются, но организация работы добровольцев должна финансироваться».*

Социально-демографические и социально-психологические характеристики добровольцев

Для того чтобы определить, какие социально-демографические характеристики респондентов влияют на выбор тех или иных общественных организаций или инициативных групп, был проведен регрессионный анализ по результатам массового опроса (апрель 2012). В качестве независимой переменной последовательно выбиралось участие респондентов в конкретной общественной организации, зависимые переменные были одними и теми же: пол, возраст, образование, доход (самооценка), пользование интернетом и принадлежность к определенной социальной группе, каждая из которых была включена в анализ отдельной переменной. Анализ выявил **только одну** характеристику, которая влияет на участие респондентов во всех типах НКО, – это уровень дохода. Добровольцы общественных объединений всех типов *оценивают свое материальное благосостояние выше, чем другие респонденты.*

Таким образом, можно сделать вывод, что добровольцы – вне зависимости от выбора сферы применения своей активности – являются (или, по крайней мере, ощущают себя) в целом обеспеченными людьми. Это подтвердили и эксперты, большинство из которых определило своих волонтеров как *«благополучных», «состоявшихся», «достаточно успешных» и «материально устойчивых людей»,* но и *«не супербогатых».* По мнению экспертов, высокодоходные группы предпочитают волонтерской деятельности денежные пожертвования.

И еще три характеристики влияют на включенность в добровольческую деятельность. В первую очередь это уровень образования – более высокий у добровольцев, чем у прочих респондентов. Далее это особенности социального статуса: принадлежность респондентов либо к группе студентов, либо к группе безработных.

Наименее очевидным и предсказуемым, на наш взгляд, явилось влияние статуса безработного на участие в деятельности большинства общественных организаций. Результаты сравнения говорят

о том, что безработные, участвующие в деятельности общественных организаций, инициативных групп, – довольно специфическая группа. Можно высказать ряд гипотетических предположений, которые требуют эмпирической проверки. Во-первых, это могут быть высокообразованные жены обеспеченных мужей, которые не работают и в то же время не идентифицируют себя с домашними хозяйками. Во-вторых, это также, скорее всего, ищущая себя молодежь до 35 лет, опирающаяся на материальную поддержку родителей. И в-третьих, это могут быть рантье старше 45 лет.

Таким образом, у добровольцев, вне зависимости от сферы приложения их активности, есть общие черты: это достаточно высокий уровень образования, материальная обеспеченность, молодой возраст. Некоторые наши эксперты видят один из потенциальных ресурсов развития добровольчества в вовлечении в него людей старшего поколения.

Обратим внимание, что респонденты, участвующие в деятельности общественных организаций, существенно более *инициативны*, *амбициозны* (ориентированы на карьерный рост), *социально активны* (например, интересуются политикой, наличием активистских движений в своем городе), чем те, кто не вовлечен в добровольческое движение. По всем этим показателям зафиксированы статистически значимые различия ($\text{Sig.} \leq 0,000$). Такой уровень значимости говорит о том, что различия не только существенные, но и устойчивые.

Еще более показательным, что группа добровольцев существенно дружелюбнее, позитивнее настроена по отношению к окружающим их людям, чем другие респонденты, не причастные к общественно значимой деятельности.

Мотивация добровольческой деятельности

Анализ ответов участников массового опроса на вопрос «*Что даёт Вам участие в деятельности этой инициативной группы (общественной организации?)*» позволил выявить четыре основных стимула деятельности добровольцев: карьерные мотивы, мотивы расширения социальных контактов, мотивы самопомощи, альтруистические мотивы.

Наиболее распространенными оказались мотивы *расширения социальных контактов*. Сказали, что участие в добровольческой деятельности дает им возможность общаться с интересными людьми, обзаводиться друзьями или любимым делом, хобби, 69% респон-

дентов. Особенно отчетливо мотивы расширения социальных контактов выражены у молодых активистов (18–30 лет).

Второй по степени распространенности мотив участия в инициативных группах и общественных организациях, который отметили большинство опрошенных активистов, – то обстоятельство, что это *может помочь в дальнейшей карьере*. Варианты, так или иначе связанные с карьерой (опыт работы; перспективы профессиональной карьеры; интересная работа; полезные знакомства; доступ к нужной информации; опыт общественно-политической деятельности; новые знания; квалификация; уважение окружающих), назвали 59% респондентов. Хотя сегодня в России волонтерство не учитывается как рабочий стаж и не дает официальных преимуществ при поступлении на работу, активисты понимают, что такой опыт может пригодиться для карьеры. Согласились, что участие в инициативных группах и общественных организациях дает им и такие плюсы, 79% молодых людей.

Инициативные группы и общественные организации – это не просто место тусовки или удачная площадка для развития карьеры. Именно там 46% опрошенных получают возможность «помогать людям» или «улучшать жизнь в собственном городе» (*идеалистические мотивы*). Женщины в два раза чаще мужчин выбирали эти варианты ответа (58% против 32%). Люди старшего возраста работают в общественных объединениях тоже чаще всего именно по этой причине.

Более трети опрошенных (38%), участвуя в инициативных группах или общественных организациях, получили возможность защитить свои права или реализовывать идеи («*самопомощь*»). Часто это становится первой причиной, по которой человек приходит в добровольные общества, объединения, а потом уже начинает защищать не только свои права (жителей своего двора и т. п.), но и других людей, попавших в похожую ситуацию. Мотив самопомощи более распространен в старших возрастных группах. Если среди молодежи его выбрали 30%, то в группах 31–45 лет и старше 46 лет – 40% и 43% соответственно.

Материалы фокус-групп дают дополнительную информацию о социальном контексте добровольческой деятельности. Мы видим в этих материалах и оценку эмоциональной составляющей добровольчества: несомненный *позитивный эмоциональный фон общественной деятельности* становится дополнительным стимулом для участия в ней.

Первичные стимулы участия в добровольчестве

С помощью дискуссионных и онлайн фокус-групп нам удалось выявить стимулы, которые побудили респондентов начать добровольческую деятельность. Обычная, повседневная жизнь человека меняется под воздействием какого-то события или ряда событий. Он начинает тратить своё время на дела, которыми прежде не занимался; вступать в контакты с прежде не знакомыми людьми; начинает по-другому смотреть на свою проблему. В результате он меняется сам и начинает менять жизнь вокруг себя в больших или меньших масштабах – в зависимости от своих ресурсов¹⁴.

Материалы фокус-групп позволили выделить мотивы, которые послужили импульсом к началу добровольческой деятельности.

- *Желание улучшить жизнь в доме, городе, стране*, которое стимулирует к активной деятельности, когда гражданские активисты сталкиваются с проблемами, не решаемыми властями. Люди не видят других механизмов изменения ситуации, кроме личного участия. Стимулировать активность могут и эмоциональный (удовольствие от деятельности), и эстетический (желание, чтобы было красиво) факторы.
- *Неравнодушное отношение* к происходящему, которое может проявляться и на уровне общественных и государственных дел (так называемая гражданская сознательность), и на уровне межличностного общения.
- *Альтруизм*, который был заявлен как *стремление помогать и быть полезным*, чувство сострадания и симпатии. Это стремление, как правило, не связано с каким-то лично пережитым опытом несправедливости, беспомощности, а основывается либо на потребности действовать как таковой, либо на впечатлениях, идущих из детства, либо на религиозных мотивах.
- *Стремление поделиться своим опытом*, по мнению многих участников фокус-групп, также является одним из стимулов добровольческой активности. Опыт может быть профессиональным либо житейским. В первом случае люди готовы

¹⁴ Подробно такая концепция рефрейминга И. Гофмана применительно к проблеме социальной активности в России описана К. Клеман. См.: От обывателя к активисту / Как люди делают себя. М.: Логос, 2010. С. 35–80.

делиться знаниями, навыками. Во втором – опытом решения каких-то проблем. Успех в их решении и осознание того, что с похожими проблемами сталкиваются многие люди, побуждают к добровольческой деятельности.

- Несколько отличный от предыдущего стимул – *ответ на помощь, благодарность*. Оказываясь в сложной ситуации и получая помощь и поддержку, человек начинает помогать тем, кому, так же, как и ему, трудно и при этом не на кого рассчитывать. В этом случае индивид делится не столько опытом решения проблемы, сколько желанием помочь, передает другим «чувство локтя».
- Иногда стимулом для начала добровольческой деятельности являются наличие свободного времени и *потребность в общении, желание разнообразить досуг*.
- Для многих гражданских активистов предпосылками начала их добровольческой деятельности стали *профессиональные интересы*. Хотя они не получают материального вознаграждения за свою работу, она дает им такие нематериальные активы, которые в перспективе могут оказаться полезными, выгодными (приобретение профессионально полезных знаний, возможность завязать нужные знакомства, создание условий для лучшего заработка и т. п.).
- Порой первопричиной начала добровольческой деятельности были *наличие увлечения или хобби*. Увлечение спортом, искусством, историей, языками делает людей более склонными к тому, чтобы искать единомышленников, действовать сообща, делиться своим опытом.

Немаловажным среди прочих является фактор *влияния семейного и детского опыта* на добровольчество. На Западе существует такое явление, как семейное волонтерство. В нашей стране об этом говорить рано, и тем не менее в семьях, где родители занимали активную позицию, участвовали в общественной деятельности, дети приобретают подобный опыт довольно рано.

Несколько участников фокус-групп упоминали в качестве побудительного стимула к добровольческой деятельности участие в школьном и студенческом КВН, а также в разного рода секциях, кружках. Это значит, что важным является не столько характер

общественной деятельности, сколько сам факт приобретения опыта совместного участия в тех или иных досуговых занятиях.

Все обстоятельства, о которых упоминали участники дискуссий, случаются в жизни любого человека. Но на стезе добровольчества оказываются только те, кому свойственна активная жизненная позиция.

Идеи и практики солидарности в добровольческом движении

Не всегда сообщество добровольцев – это солидарное сообщество. В некоторых ситуациях в этом сообществе могут доминировать конкурентные отношения. Например, когда ресурсы, получаемые в результате добровольческого участия, являются объективно ограниченными (скажем, бонусы участия в престижных мероприятиях типа Олимпиады). Иногда добровольцы могут просто не образовывать сообщества, потому что вступают в контакты лишь с организаторами какой-то добровольческой деятельности.

Мы основываемся на представлении, что: а) солидарность – не универсальное свойство для добровольческого движения; б) там, где она присутствует, она может иметь две формы. Одну – основанную на «первичной связи», идентичности, чувстве «мы» с другими участниками добровольческой деятельности. И другую, включающую более широкое «моральное пространство», опирающуюся на «вторичные связи», – с малознакомыми или вовсе не знакомыми людьми. Это могут быть категории людей, выбранные добровольцем или добровольческой общественной организацией в качестве объекта попечения и ответственности; партнеры по добровольческой деятельности.

В нашей стране светская добровольческая деятельность существует вне разработанной и широко разделяемой этики такой деятельности, предполагающей базовый постулат солидарности. Это зачастую превращает добровольчество либо в разновидность предпринимательства, либо в политическую деятельность, ориентированную на индивидуальные карьерные интересы. И то, и другое вполне может быть социально одобряемым, но могут ли эти два феномена называться добровольчеством – неочевидно.

В ответах на вопрос, обращенный к добровольцам *«Что даёт Вам участие в деятельности инициативной группы, общественной*

организации?», альтруистические мотивы солидарности весьма заметны. 40% ответили: «возможность помочь людям».

В ответах на открытый вопрос «Какую именно пользу приносит активистам их деятельность?» самая большая доля ответов (23%) пришлась на вариант «моральное удовлетворение» («моральное удовлетворение и чистую совесть»; «душевное равновесие»; «легкость на душе»).

Иными словами, можно говорить о формировании в добровольческой среде культуры солидарности, понимаемой как моральная связь с широким кругом людей.

Другой аспект солидарности – это собственно солидарность с другими добровольцами (чувство «мы»). Участие в добровольческой деятельности вовсе не автоматически предполагает включение в некое солидарное сообщество. Данные нашего опроса показали, что абсолютное большинство активистов, участвующих сейчас в общественной работе, уверены, что товарищи помогут им в случае, если такая помощь им понадобится (88%).

В каких именно повседневных практиках реализуется ценность солидарности, проясняют интервью с лидерами общественных организаций, в которых мы встретили несколько типов солидарных практик.

Первый тип – это солидарность в группе добровольцев (назовём её *внутренней солидарностью*). Она реализуется в различных вариантах.

- *Солидарность в группах самопомощи* (здесь оказывающие помощь являются одновременно её получателями). Такой тип солидарности сложился в рамках практик групповой психотерапии (например, в группах анонимных алкоголиков) и имеет хорошо разработанную технологию взаимной поддержки. Наши материалы показывают, что взаимная поддержка существует в таких группах и вне психотерапевтических сеансов.

Люди с такими проблемами в этом искусственно созданном социуме начинают уважать друг друга, переживать друг за друга, начинают знакомиться, начинают друг другу помогать. Они с этими доверительными чувствами, с этим опытом учатся жить в трезвом состоянии. (Новосибирск, благотворительный фонд)

- *Интеграция в группах добровольцев* культивируется специальными практиками в тех организациях, где много добровольцев

и где солидарность в сообществе является условием успеха организации.

Да, есть очень дружные волонтерские группы, потому что у них такая специфика в отделении это позволяет. И они вместе – и свадьбы вместе делают, и отдыхают вместе, и так далее. (Москва, благотворительный фонд)

Второй тип солидарности – это внешняя солидарность, помощь и поддержка со стороны субъектов, находящихся вне данной организации или инициативной группы. И здесь обнаружено несколько подтипов.

- *Сетевая поддержка* – это неформальная и несистематическая помощь людей, не включенных в данную организацию в качестве сотрудников или добровольцев.

Ребята, которые ушли, когда есть желание помочь, они просто звонят: «Ребята, есть машина. Могу помочь. Завтра-послезавтра с вами покататься». Приходят возить. Мы их (нынешних пациентов) сначала везем на флюорографию, на кровь, потом обратно. И это же тоже огромные нагрузки. Кто на машине приедет, другой приедет, возьмет ребят, и они поедут на речку – пообщаются, шашлыки пожарят. Это же тоже своего рода волонтерская ответственность. Ответственность за этих людей, чтобы они не разбежались, не напились, не накурились. (Новосибирск, Благотворительный фонд)

- *Совместное решение проблем какими-то общественными и (или) государственными субъектами.*

Помогает нам областной центр социальной помощи. Поликлиники помогают с флюорографией, кровь – делаем анализы. Помогает нам центр срочной социальной помощи с восстановлением документов, с регистрацией. Мы занимаемся людьми, которые находятся на очереди на инвалидность, то есть они просто не ходячие, а лежащие. Мы их увозим, а где-то помогают нам в кабинет по-быстрому проехать, анализы сдать. С юристами мы в хороших отношениях. «Сибмама», с которой мы сотрудничаем, договор заключили... Они нам помогают, мы им помогаем. «Линия жизни» – мы помогаем, они нам помогают. В основном НКО между собой вот такие вот... Как-то общаемся, в футбол играем. И нарколог, сейчас он уже на пенсии, он нам помог тоже в методике, в программе, и он тоже принимает участие. (Новосибирск, благотворительный фонд)

- *Солидарная поддержка усилий добровольцев со стороны экспертного сообщества:* для того чтобы решать многочисленные проблемы людей, объединившихся в ту или иную общественную организацию или инициативную группу, зачастую нужны экспертные знания и солидарные мнения экспертов (например, заключения о социальном статусе больных СПИДом). Судя по материалам интервью, активистам удается сотрудничать с экспертными сообществами или отдельными экспертами, причем экспертная помощь, как правило, оказывается бесплатно в тех случаях, когда речь идет о благотворительных фондах, о поддержке слабых.

Огромный плюс, что (специалист) из федерального центра СПИД-Да написал документ для суда, где было написано, что ВИЧ-инфекция – это хроническое контролируемое заболевание, и если пить препараты, то можно жить полноценной жизнью, ты не опасен для общества. Вот благодаря этой последней справке я и выиграла судебный процесс. (Казань, благотворительный фонд)

- *Поддержка усилий общественников со стороны СМИ.* Вероятно, можно считать поддержку СМИ актом солидарности в тех случаях, когда защищаемая позиция – не очевидно выигрышная с точки зрения интереса публики или одобрения властей.

Я ни один шаг не делала без журналистов. Огромный вклад СМИ внесли в это дело. Если бы не было СМИ, то скорее всего, такого глобального процесса не произошло. Если какие-либо письма нужны, наши пресс-релизы всегда освещаются на сайте СПИД-центра... Они – основные наши партнеры. (Казань, благотворительный фонд)

Однако у *внешней* солидарности есть и серьезные проблемы: препятствием для успешного сотрудничества и общего успеха может стать как корысть «партнеров», так и имитация деятельности с их стороны, лишенная моральных компонентов ответственности.

Актеры добровольческого движения: «волонтеры» и «активисты»

В течение последних 5–15 лет в России наблюдается нарастание добровольческого движения. Благотворительные фонды и некоммерческие организации, осуществляющие социально значимую деятельность, все активнее привлекают добровольных помощников. Создаются специализированные организации добровольцев, тесно сотрудничающих с «третьим сектором»¹⁵. Набирает оборот и «государственное добровольчество». Последнее, по мнениям участников экспертного опроса, связано в первую очередь с предстоящей Олимпиадой в Сочи. Отметим, что до сих пор «организованное» добровольчество уступает по размерам и степени охвата населения «неорганизованным» формам (индивидуальному, в дружеском кругу, в рамках инициативных групп). К этому выводу приходит большинство исследователей, хотя и называют эти два вида добровольчества по-разному: либо «индивидуальное и организационное», либо «формальное и неформальное»¹⁶.

Далее мы будем опираться на специфику добровольческих практик и самоопределения респондентов. По данным интервью и фокус-групп, те, кто участвовал в деятельности общественных организаций или в массовых мероприятиях, чаще предпочитают самоназвание «волонтеры». Те, кто помогал окружающим, занимался решением проблем по месту жительства, чаще называют себя «активистами».

В нашем исследовании однозначно проявились¹⁷ эти два типа участия в бескорыстной общественно-полезной деятельности:

¹⁵ http://www.grany-center.org/catalog/rezultaty/analiz/details_849.html

¹⁶ По результатам факторного анализа - Extraction Method: Principal Component Analysis. Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization.

¹⁷ О близости понятий «благотворительность» и «помогающее поведение», см.: Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Зарипова З.Р. Перспективы развития благотворительно-

- «неорганизованное добровольчество», очень близкое по своей сути к «помогающему поведению», которому свойственна про-социальная направленность, бескорыстная помощь незнакомым окружающим людям;
- «организованное» добровольчество.

«Организованная» и «неорганизованная» формы добровольчества предполагают различные направления приложения активности волонтеров. «Организованные» и «неорганизованные» добровольцы рекрутируются из разных социально-демографических групп. Они интересуются различными вещами, разделяют разные ценности. Однако не исключено, что в определенных случаях (как следует из материалов экспертных интервью с руководителями общественных организаций) «неорганизованное» добровольчество является первым этапом вхождения в движение, которое потом приводит к участию в деятельности общественных организаций.

Как показало исследование, активисты (неорганизованные добровольцы) чаще, чем волонтеры (организованные добровольцы), оказывают безвозмездную помощь другим людям. Активисты существенно чаще, чем волонтеры, оказывают безвозмездную помощь не только коллегам, друзьям, близким, но и незнакомым. Среди представителей неорганизованного добровольчества помогают незнакомым людям 31% респондентов, среди организованных добровольцев – 15% ($\text{Sig} \leq 0,000$).

Была выявлена зависимость между типом общественной организации и формой добровольчества (организованной или неорганизованной). Волонтеры чаще участвуют в объединениях по интересам и в деятельности обществ защиты гражданских прав (большинство из которых, как показало исследование, занимается проблемами молодежи). А представители неорганизованного добровольчества чаще участвуют в местном самоуправлении, в котором, опять-таки, по результатам исследования, превалирует жилищно-территориальное направление.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что активисты ищут в добровольчестве в первую очередь защиту прав и / или решения очередных территориально-бытовых проблем. Во-вторых, и миссионерство очень созвучно этой группе, в которой *«активность заложена с детства»*, и возможность ее реализации на социально значимом поприще действительно имеет важное значение.

Волонтеры относятся к предмету своей добровольческой деятельности более рационально: карьера и хобби. При этом характерно, что деятельность волонтеров требует наличия организационной формы. Тогда как деятельность активистов требует только личной бодрости и здоровья.

Иными словами, «неорганизованное» и «организованное» добровольчество – это два разных, не пересекающихся сегмента общественной активности. Возможно, единственное пересечение заключается в том, что в семьях активистов (так, напомним, себя называют неорганизованные добровольцы), если учесть возрастные различия между группами, подрастают волонтеры (организованные добровольцы).

Главное, что их различает (и при этом не сталкивает как конкурентов), – нацеленность на совершенно различные блага в результате своей деятельности. Активисты стремятся к решению конкретных, практических и очень приземленных проблем, которые затрагивают их лично и тем самым не выходят за ареал их жизнедеятельности. Это в первую очередь помощь окружающим, соседям, близким, решение жилищно-бытовых проблем, благоустройство территории. Их миссия (второй по силе мотив участия в добровольчестве) – не переделать весь мир, а сделать более комфортной среду своего обитания, и чтобы все окружающие знали, что есть в их среде такой человек, который смог это сделать и будет делать еще.

Волонтеры же стремятся накопить как можно больше ресурсов для карьерного старта и по возможности совместить подготовку плацдарма для будущих свершений с приятным времяпрепровождением в кругу интересных людей. И они прекрасно понимают, что путь активистов-одиночек – это не их путь. Свои стремления, ожидания они смогут реализовать, только опираясь на ресурсы уже состоявшихся организаций. И поэтому они совершенно сознательно выбирают организованное добровольчество, чтобы вызреть в нем для собственных свершений.

Эти различия не делают их конкурентами, не говоря уже о каналах влияния – речь идет об отсутствии точек пересечения интересов. В настоящее время и у тех, и у других канал влияния один – мониторинг социально-политической жизни, умение строить модели развития ситуации и действовать в соответствии с ними. Однако, как показывает исследование, этот канал влияния равноудален как от организованных, так и от неорганизованных добровольцев. И те, и другие не слишком интересуются политикой, и те, и другие не стремятся, участвуя в массовых акциях, поставить под угрозу свою

среду обитания и свои уже намеченные планы, чего бы они ни касались: подачи жалобы на неправильное проведение ремонтных работ или заявки на грант.

Общества по интересам и по вопросам защиты гражданских прав не жалуют активисты, а местное самоуправление – волонтеры.

Взаимные пересечения возможны, пожалуй, только в случае, если активисты и волонтеры встречаются на одном поприще: общества помощи и / или профсоюзы. Но в профессиональных сообществах у каждого своя стезя, здесь пересекаются не типы добровольцев, а другие социальные группы и отдельные личности. Что касается обществ помощи, на их территории пересечение кажется вполне реальным и плодотворным и для добровольцев различных типов, и для самих обществ помощи.

Наши исследования позволили реконструировать эмпирические портреты неорганизованных (активистов) и организованных (волонтеров) добровольцев.

Активисты – это, как правило, хорошо образованные люди средних лет, не бедствующие, столь же неоднородные по роду своих занятий, как жильцы многоквартирного (не элитного) дома, находящегося «в хорошем районе». У них нет существенных амбиций социального и карьерного плана: они либо уже профессионально реализовались (недаром среди них нередко встречаются предприниматели и руководители предприятий), либо изначально были ориентированы на другую систему ценностей. Но у них есть гордость своими достижениями и чувство ответственности за свою территорию (не только в переносном смысле слова). Они не слишком податливы для «внешних» призывов к консолидации усилий. Главное для них – осознать степень проблемности ситуации. И если осознают, будут действовать: на своей территории – руководить, на чужой – помогать деньгами.

Волонтеры – чаще всего молодые люди, которые ценят хорошее образование, стремятся к благополучной карьере, уверены в своих силах. В силу возраста могут попробовать все, в том числе и участие в массовых акциях. Но концентрация на собственной жизненной стратегии в любом случае будет брать верх. Они будут искать возможность разом удовлетворить все свои потребности и амбиции, но возможно, ориентация на качественное образование будет играть роль стопора в экстремальных моментах, которые продуцирует ряд нынешних молодежных организаций. Они готовы к взаимодействию, как и много к чему еще. Их готовность – скорее из разряда «откликнуться на призыв».

Самоуправление и защита интересов жителей как направление добровольческого движения

Местные сообщества – это, как правило, неформальные объединения граждан, проживающих на определенной территории, созданные для решения проблем ее благоустройства. Это не исключает создания формальных структур (ТОС, ТСЖ, Совет дома, Общество озеленителей и др.). Как показывают результаты массовых опросов, большая часть респондентов не являются членами таких формальных организаций, но все равно более или менее регулярно выполняют работу по благоустройству и развитию территории, и это необязательно связано с их профессиональными обязанностями. Их деятельность также может быть направлена на охрану правопорядка (добровольные народные дружины), защиту архитектурных памятников, окружающей среды, на участие в организации уличного движения (предложения по дорожной разметке, установке светофоров и др.).

Принципы и цели организации территориального сообщества

Главная цель – *решение насущных проблем*. Для этого требуется четко сформулировать задачи и подобрать адекватные инструменты. Важное значение имеет психологический настрой, вера в собственные силы и возможности коллектива.

Как правило, в основе стремления к благоустройству и развитию территории лежат чувство хозяина, чувство гражданского долга. Это главное **условие деятельности** по благоустройству и развитию территории. Гражданский долг, по мнению некоторых участников фокус-групп, – это не только юридически оформленные обязанности гражданина – в данном случае по поддержанию чистоты и

порядка в общественных местах, – но основа самоуважения и уважения граждан со стороны властей. У многих наших собеседников еще в детстве и юности было заложено бережное отношение к природе и начали формироваться организаторские способности, которые позже – во взрослой жизни – сделали их активными участниками благоустройства территории проживания. Специфика состава местных сообществ определяется не только общностью интересов и территорией проживания. Есть еще одно существенное условие – относительно **устойчивое материальное положение**, уверенное обеспечение базовых потребностей и наличие свободного времени.

Юридически оформленные организации местных жителей – например, организации жильцов: ЖСК, ТСЖ, территориальные органы самоуправления – распространены сегодня довольно широко. При этом прослеживается тенденция к легитимации объединений граждан и даже в некоторых случаях к инициированию создания таких объединений среди собственников жилых помещений. Также распространены неформальные объединения, именуемые обычно «инициативные группы». Круг их интересов и область деятельности могут быть широкими: от своего подъезда и дома до участия в различных общественных движениях.

Практически во всех случаях местное сообщество имеет *сетевую структуру*, основанную преимущественно на неформальных связях. За редким исключением деятельность по благоустройству и развитию территории силами местных жителей носит добровольческий характер. Для масштабных проектов (например, общегородских) могут быть привлечены и «профессиональные» волонтерские организации, которые, вообще говоря, работают в несколько иной системе социальных обменов.

Внутрисетевая структура местных сообществ имеет не только вертикальные, но и горизонтальные связи. На горизонтальном уровне – так же, как на вертикальном, – происходит обмен ресурсами, не только материальными, но и информационными (в частности, опытом решения проблем).

На начальном этапе решения проблем благоустройства важно прежде всего мобилизовать соседей и сформировать «информационное поле». Главная проблема здесь – добиться общего понимания по какому-либо вопросу. Трудности могут возникать из-за противоречия интересов. Они решаются обычно путем диалога, который не всегда приводит к положительному результату. Успех переговоров во многом зависит от убедительности, проработанности аргументов сторон, от авторитета организаторов. Успешное решение проблемы

связано с поддержкой инициативы по благоустройству территории значительной частью местных жителей.

В одних случаях общиe интересы осознаются и существует более или менее четкое понимание проблем. В других – некоторые жители не соотносят интересы сообщества со своими и дистанцируются. В основе этого обычно лежит недоверие при общении с инициаторами и стереотип об их корыстолюбии, иногда – отсутствие необходимой информации.

Распространена также и ситуация с отказом от ответственности. Причины здесь различны: недостаток свободного времени, неуверенность в себе, личные обстоятельства, нежелание вникать в суть дела, недостаток коммуникативных навыков. Отказ от ответственности следует отличать от делегирования полномочий, например, совету дома.

Когда проблема возникает из-за невысокого уровня бытовой культуры поведения в общественных местах, то иногда для ее решения достаточно воспитательного воздействия на отдельных «нарушителей». Способы такого социального контроля могут варьировать от обычного информирования с доводами, призывов к соблюдению общепринятых норм, личного примера до административно-правовых мер (вызов полиции, индивидуальные и коллективные письменные обращения во властные инстанции).

Взаимодействие с органами власти, управляющими компаниями и другими организациями

Зачастую бывает недостаточно простого заявления о существовании проблемы, для того чтобы власти начали её решать. Поэтому основной принцип взаимодействия с властными инстанциями различных уровней при благоустройстве и развитии территории – не ждать, когда они самостоятельно решат проблему, находящуюся в их компетенции, а «лоббировать» ее решение. Как и у профессиональных лоббистов, здесь полезно наличие неформальных связей, проработанность аргументов, апелляция к интересам как сообщества, так и чиновника, если они не совпадают. При решении вопросов благоустройства общественного пространства наиболее часто используются институциональные каналы коммуникации и способы воздействия – письменные обращения и запросы в различные органы власти. Но официальные обращения и жалобы сами по себе не

всегда дают надежный и быстрый результат. Их эффективность значительно повышается, если не только граждане действуют по «административным» правилам, но и вышестоящее начальство (которое тоже **надо к этому побудить**) контролирует решение проблемы.

Если решить вопрос официальным путем не получается, могут использоваться самые разнообразные неформальные приемы давления на органы власти со стороны местных сообществ, вплоть до противоправных действий. Выбор способов давления зависит как от масштаба проблемы, так и от индивидуальных, финансовых, организационных возможностей инициаторов ее решения.

Основная трудность при взаимодействии представителей местного сообщества и чиновников – одна из традиционных для России – *неравноправность отношений*. Статус, который имеют объединения местных жителей и отдельно граждане, воспринимается как более низкий по сравнению со статусом представителей власти. По мнению участников фокус-групп, статус жителей должен быть подкреплен реальной включенностью в процесс принятия и реализации управленческих решений (анализ информации, составление рекомендаций, контроль за исполнением принятых решений).

Но даже если жители имеют формальную организацию, правовой статус и сотрудничают с органами власти в рамках их компетенции, они не всегда добиваются успеха. Участники фокус-групп отмечают важность *согласованности действий всех участников*, без этого, даже при достаточном количестве ресурсов, бывает трудно достигнуть цели.

Другие «трудности» являются производными, частными случаями проявления обозначенных проблем взаимодействия, а именно – *бюрократизм*¹⁸: *невыполнение взятых обязательств, отсутствие информации о сфере ответственности чиновников, колоссальные временные затраты на чиновничьи процедуры*.

Из опыта общения с чиновниками по волнующим местных жителей вопросам благоустройства у последних складывается представление, что обещание от представителей власти получить значительно легче, чем добиться его исполнения.

Отсутствие информации о сфере ответственности чиновников у местных жителей на первый взгляд выглядит незначительной технической недоработкой. Однако это затрудняет поиск компетентно-

¹⁸ В соответствии с Жилищным кодексом РФ (№188-ФЗ от 29.12.2004 с дополнениями и изменениями №123-ФЗ от 04.06.2011) собственники жилых помещений в многоквартирном доме обязаны избрать совет дома, если ранее не создано другой организации (ТСЖ, ЖСК).

го в решении проблемы лица, отнимает время и силы. Кроме того, возникает вопрос о наличии такого специалиста.

Затянутасть бюрократических процедур может восприниматься как нежелание решать проблемы жителей, как существование у местных органов власти скрытых приоритетов, отличных от интересов населения.

Участники фокус-групп признают, что отчасти вынуждены заниматься вопросами благоустройства территории проживания, поскольку органы власти и аккредитованные организации в сфере ЖКХ не уделяют этим проблемам должного внимания. Если дело касается воспитательной работы с нерышлыми соседями, цветочного озеленения придомовой территории, уборки, то такие вопросы обычно не требуют специального образования и навыков и могут быть решены (или не решены) по желанию каждого. Однако в некоторых областях благоустройства местные жители рассчитывают на предоставление качественных услуг профессионалами и учет своих интересов, в том числе и финансовых. В подобных случаях усилия органов власти и их контроль за деятельностью управляющих компаний участники фокус-групп оценивают низко.

Благоустройство и развитие территории через участие в местном управлении (на примере публичных слушаний)

Жители могут влиять на работу органов местного управления через участие в выборах в муниципальные органы власти, территориальные органы самоуправления и путём участия в публичных слушаниях по утверждению местного бюджета и проектов планировки территории (или некоторых других градостроительных проектов).

Анализ участия в публичных слушаниях по вопросам градостроительства – относительно новая социальная практика. Публичные слушания в области градостроительства определены законодательно как один из институтов гражданского общества. Результаты публичных слушаний носят рекомендательный характер. Вклад жителей в принятие градостроительных решений заключается в письменной поддержке или обоснованной критике проекта. Некоторые из предложений при определённых условиях могут быть учтены на последующих стадиях проектирования. Участие в публичных слу-

шаниях – это возможность *заявить властям о своих интересах и отстаивать их на институциональном уровне.*

Практически все участники фокус-групп хотели бы активно участвовать в принятии решений, касающихся благоустройства их района. Они сожалеют об отсутствии или труднодоступности нужной информации по проектам благоустройства района. С их точки зрения, это не только затрудняет отстаивание своих интересов, но и нарушает их права на получение информации.

Отсутствие информации – серьезная проблема для тех, кто готов обсуждать вопросы благоустройства района с чиновниками, вносить свои предложения. Ведь для подготовки предложений необходимо время на изучение документов, формирование, формулирование и доведение до властей позиции жителей. Некоторые респонденты заявляют о желании вести переговоры и участвовать, например, в проектировании реконструкции жилого квартала.

Результатом диалога становится решение задач долгосрочного планирования развития территории в градостроительных проектах, а не обеспечение сиюминутной выгоды для застройщиков и инвесторов. И еще – объединение местных жителей. При этом в основе солидаризации лежит стремление к реальному улучшению социально-экономического положения, качества жизни сообщества в целом и каждого его представителя в отдельности.

Проблемы неравноправных отношений с чиновниками, низкая информированность людей и незаинтересованность бюрократов в обеспечении участия жителей в процессе принятия управленческих решений требуют *разработки и применения социальных технологий согласования общественных интересов*¹⁹. Речь может идти о специальных образовательных программах для всех сторон, участвующих в благоустройстве и развитии территории, включая местные власти, проектировщиков, инвесторов и местных жителей.

¹⁹ Отметим здесь, что плохо работающий бюрократический механизм (в веберовском понимании бюрократии) – предпосылка для коррупции в различных формах.

Социальное новаторство – модернизационный эффект добровольческого движения

Добровольчество (как любые другие социальные движения) вносит свой вклад в развитие социальных инноваций, оказывая на модернизацию действующих в обществе правил и практик как опосредованное влияние, так и непосредственное – в виде изменения нормативных основ социальной политики, экономики и даже международных отношений. Соответственно участников движения мы с полным на то основанием можем считать социальными новаторами, то есть реальными участниками коллективных практик, стимулирующих и реализующих социальные изменения.

Человек, решившийся изменить сложившийся порядок в той сфере общественной жизни, где у него возникла проблема (в больнице не могут вылечить сына, а в армии могут его изуродовать морально и физически), очень быстро обнаружит, что его случай – это скорее правило, чем исключение. Есть много людей с той же проблемой, которая возникла в тех же обстоятельствах.

Кроме того, люди, включенные в функционирование проблемного института (армия, тюрьма, система выборов, школа), как правило, не ставят перед собой осознанной цели нанести вред. Однако вред может появиться как побочный эффект материальной выгоды (например, в случае строительства магазина на месте сквера или заказ продуктов для школьной столовой у сомнительного поставщика). И этот побочный эффект признается его инициатором как ничтожный.

Очень часто проблемный случай, с которым столкнулся человек (житель пострадавшего от новой стройки микрорайона или родители заболевшего ребенка), – результат действия системных факторов, то есть такого функционирования социального института, которое с высокой вероятностью вызывает именно такой побочный негативный эффект. Например, стандарты медицинской помощи не

предполагают закупки дорогостоящих лекарств или оборудования, а также присутствия в лечебных корпусах посторонних – родственников или добровольных помощников; армейские порядки не предполагают функционирования сержантского корпуса, укомплектованного необходимым количеством подготовленных кадров. Чиновники всегда объяснят, что по принятым на основе законов и подзаконных актов процедурам нет возможности действовать иначе. А это значит, что нужно не просто усовестить нерадивого чиновника, но изменить правила функционирования того или иного общественного института. В конце концов обнаруживается, что для решения проблемы нужна не просто решимость «идти до конца»; нужно еще и большое количество ресурсов: времени, знаний, денег, связей.

Очевидно, что далеко не все люди, столкнувшиеся с какой-то системной социальной проблемой, готовы решать её именно как системную. Большинство в лучшем случае попытаются решить свою частную проблему. Но есть и те, *кто начинает решать свою проблему именно как системную*. Это необязательно проблема, которая возникла у человека или его близких, а та, которую человек воспринимает *как свою*, – будь это сохранение популяции редких птиц, исторической застройки города или изменение порядка прохождения службы в армии.

Именно такие люди и становятся *социальными новаторами*, потому что их деятельность направлена не на решение частной проблемы, а на изменение (либо создание новых) социальных практик и институтов, а также формирование сообществ на основе этих новых практик и институтов. Таких людей всегда мало, и они редко рефлектируют по поводу своих практик, с тем чтобы сделать их достоянием публики. Поэтому одной из задач нашего исследования стал анализ того, как наиболее успешным лидерам и активистам добровольческого движения удавалось изменить прежние или создать с нуля новые социальные практики в той или иной сфере деятельности, и какие сообщества создавались (если создавались) на основе этих практик.

Типы социальных новаторов

Будем называть социальными новаторами тех активистов, которые обладают способностью изменять (трансформировать) существующие *системы правил*, определяющих активистские практики

и институты, либо создавать *сети* сообществ. Можно встретить следующие четыре типа социальных новаторов.

«Социальный активист» может выступать в качестве социального новатора тогда, когда нужно доказать, что необходимые правила либо отсутствуют, либо они есть, но работают плохо или не работают совсем. Нужны новые правила, специально сформулированные для этой ситуации. Например, нет правил, требующих согласования с жителями возможностей «уплотнительной застройки» и её параметров. Социальные активисты выступают с инициативами изменения правил тогда, когда видят, что действующие правила препятствуют решению проблемы, с которой они столкнулись.

Основная сейчас задача, которая стоит перед фондом, мы стараемся сделать всё возможное, чтобы у нас получилось, – это обеспечение детей обезболиванием. Чтобы они не мучились, когда ребенку поставили статус, что помочь уже медицина не может, чтобы он при этом умирал достойно, а не в диких мучениях, как это часто бывает. Вот это наша сейчас задача первоочередная, плюс что еще... с лекарствами там, например: мы добились, чтобы часть так называемых сиротских препаратов внесли в обязательный список, которые должно обеспечивать государство. (Москва, благотворительный фонд, 2012)

«Институциональный предприниматель» претендует на то, чтобы изменить процедуры или создать новые *в рамках существующих правил*. Если взять пример согласования с жителями уплотнительной застройки, то мало доказать необходимость такого согласования – нужно придумать процедуры, которые сделали бы это правило работающим. Институциональные предприниматели способны придумать новую идею для решения неразрешимых проблем и умеют заставить работать неработающие правила, а точнее людей, чья обязанность – эти правила выполнять. Здесь часто появляются новые практики, которые не просто показывают, как можно заставить работать не работающие правила, но становятся культурными новациями. Это, скажем, новая мода, новый стиль жизни, новый культурный феномен. Например, мода на благотворительность; на усыновление (опеку); на народные музеи. Способность придумать логику решения задач – важнейшее свойство социальных новаторов, потому что именно технологии – знание о том, как это сделать, – очень часто делают из неразрешимой проблемы решаемую.

Дети писали письма. И все подарки, которые они просили у Деда мороза, благодаря организациям города Новосибирска, благодаря просто людям – они получили. Это была широчайшая акция. Вот. Мы показывали письмо – там желающий поучаствовать читал и приобретал подарок. Письма были написаны, подарки собраны. (Новосибирск, благотворительный фонд, 2012)

«Правозащитник» связан с практиками *гражданского контроля* – участием сравнительно небольшого круга людей с профессиональной подготовкой в определенной сфере (финансы, право, экология) в экспертизе проблемных ситуаций, подготовке решений и контроле за их исполнением и реализацией разработанных программ действий. Один из основных ресурсов такой экспертной позиции – институционально подкрепленный статус профессионала и эксперта, легитимно участвующего в экспертной работе. Правозащитной деятельностью занимаются общественные организации, которые ориентированы на определенную социальную группу и специализируются на правовых проблемах людей какой-либо категории (беженцы, наёмные работники, мигранты, выпускники детских домов и пр.). Это специфическая деятельность, которая требует не только профессиональных знаний, но и навыков реальной адвокатской (правозащитной) работы. Поскольку правозащитники часто сталкиваются с ситуацией правового вакуума, они вольно или невольно соприкасаются с политическими проблемами, хотя часто старательно декларируют свою дистанцированность от политики.

...Государственные структуры не были готовы к такому наплыву мигрантов и беженцев, к законодательному регулированию их жизни и работы в России. А беженцы и мигранты не были готовы к тому, что они окажутся в России в совершенно ненормальных условиях. Я столкнулась с тем, что российские власти не хотели нарушать международные нормы для того, чтобы защитить людей, которые оказались в России. И это было неявной формой отказа от помощи беженцам. Это был кошмар и абсурд, когда ни один деятель – ни ООН, ни ЮНЕСКО, где я только ни была – не понимал, что Россия на тот момент не была готова к легализации, сопровождающейся пакетом социальных услуг, таких, как в Швейцарии, но она могла дать то, что не могли дать в Швейцарии или в той же Америке: право на работу и право на свободное перемещение по стране. (Москва, правозащитная организация, 2010)

«Законодатель» обладает достаточно широкими полномочиями не только по настройке регулятивных функций систем правил, но и по оформлению правилами новых «полей» и «арен». При этом его активность по созданию новых систем правил по большей части не нуждается в дополнительных обоснованиях, поскольку правомочность его участия ранее подтверждена серией институционализированных правил, процедур и практик (например, выборы для депутата, персональные назначения для должностного лица и т. п.). Статус и приписанные ему функции оказываются главным ресурсом в деле создания систем правил (в особенности – концептуально новых), поскольку защищены легитимными процедурами и не подвергаются сомнению. Но по персональному участию конкретных акторов возможны «атаки», например, отзыв депутата. «Законодатели», как правило, видят проблему, с которой им нужно иметь дело, как системную, и анализируют возможности её решения, учитывая весь комплекс обстоятельств.

Проблема миграции – это проблема как внешних, так и внутренних мигрантов. Пытаться решить ее запретительными методами в моем понимании бессмысленно и вредно. 85% трудовых мигрантов являются у нас нелегальными, и очевидно, что в таких масштабах нелегальная иммиграция возможна только при попустительстве местных властей и милиции, которые используют данный рынок вместе с работодателями для понижения цены труда. Милиция, которая может с них вымогать взятки, местные органы власти, которые держат на таком полукрючке соответствующих работодателей, уже, как правило, с ними срослись. И вот в этой схеме, за вычетом взяточников и строительных корпораций, страдают абсолютно все. Страдают и сами мигранты, страдают и местные работники, и бюджет. Подобное положение дел формирует условия для роста преступности – раз; для формирования закрытых систем патрон-клиентелла – два, то есть закрытых и неконкурентных систем. И три – формирует почву для напряженных межнациональных отношений. (Москва, 2010)

Рассмотренные типы социальных новаторов в реальной практике могут комбинироваться друг с другом. Однако эта типология позволяет различать приоритеты в действиях новаторов – в отношении трансформации систем правил и мобилизации доступных ресурсов для этого рода активности.

Формы существования и условия распространения социальных новаций в добровольческой деятельности

Принято различать два вида гражданской активности: протестную и конструктивную («проактивную») социальную мобилизацию. Последняя, в свою очередь, подразделяется на ситуативную, когда нужно помочь людям в чрезвычайной ситуации, и долговременную, не связанную напрямую с конкретной острой проблемой.

Ситуативная социальная мобилизация обычно сходит на нет, когда проблема исчерпана. Долговременная социальная мобилизация не связана напрямую с конкретной острой проблемой. Она существует, например, в таких формах, как участие в благоустройстве своей территории, культурно-просветительских, благотворительных и других проектах.

Для долговременной активности нужны *ресурсы, правильный отбор добровольцев и мотивация*. Этим и занимаются лидеры организаций, которых мы рассматриваем здесь в роли социальных новаторов.

Главным ресурсом, как следует из материалов интервью, является *авторитет лидера и самой организации*. Авторитет обеспечивает бесспорное право организации обращаться за помощью и возможность её получать. Об этом упоминали многие из наших информантов из числа руководителей общественных организаций.

В *работе с добровольцами*, судя по материалам интервью, возникает много новаций, которыми охотно делятся интервьюируемые. Общественных организаций, в которых налажена систематическая работа с волонтерами, немного, и потому опыт их работы может стать образцом для других. В одном из крупнейших благотворительных фондов Москвы работа с волонтерами выделена в специальную программу. Здесь отбор добровольцев стал серьезной проблемой, во-первых, потому что желающих стать волонтерами в этом фонде на каком-то этапе его развития стало много из-за широкой известности и авторитета его лидеров, а во-вторых, потому что работа с подопечными Фонда требует специальных навыков и особых психологических качеств. Поэтому, как утверждают сотрудники Фонда, лучше вообще отказаться от услуг потенциального добровольца, чем навредить и ему самому, и подопечным. Строжайший отбор и обучение обеспечивает долговременное участие добровольцев в деятельности Фонда и предотвращает психологические травмы как у подопечных, так и у самих волонтеров.

Мотивация участия – это деятельность, которая становится предметом особой заботы лидеров. Практически все наши информанты утверждают, что им приходится проявлять немалую изобретательность, чтобы мотивировать не столько частое, сколько регулярное участие добровольцев в проектах. Эта проблема есть даже у наиболее популярных организаций, не страдающих от дефицита добровольческого участия.

Многие лидеры общественных организаций отмечали, что волонтеры представляют собой как бы «ближний круг» помощников. Помимо них есть «дальний круг». Это добровольные помощники, которых привлекают на разовую помощь или какую-то работу, требующую специальных знаний (создать сайт, проконсультировать по правовым вопросам, привезти – отвезти и пр.). «Дальний круг» – это друзья, коллеги, родственники, соученики волонтеров. Иногда это люди, которых объединяет принадлежность к одной конфессии.

Одним из способов наращивания ресурсов является создание более или менее стабильных *объединений общественных организаций*. На наш взгляд, готовность организации к объединению усилий с другими – один из важных признаков реально действующих организаций.

Как правило, наши респонденты отмечают, что взаимодействие между участниками объединения строится *на личных контактах и доверии*. Это наблюдение означает, что безлично-функциональные организационные формы взаимодействия по крайней мере в несистемном секторе добровольчества не практикуются, или, если говорить осторожнее, не имеют широкого распространения. *Доверие как базовое условие* взаимодействия означает необходимость *информирования*, а значит, более или менее регулярного мониторинга деятельности партнеров. Соответственно возникает неформальный, но более или менее плотный взаимный *контроль* деятельности, который обеспечивает поддержку формирующейся *репутации* участников.

Помощь властей всех уровней опрошенные нами лидеры не рассматривают как необходимое условие успешности их деятельности. Главное пожелание в адрес властей – чтобы не мешали. Однако помехи возникают. Особенно острые эпизоды противостояния возникают тогда, когда сталкиваются интересы. Такой конфликт интересов возникает чаще всего между объединениями граждан по месту жительства и властями, иницирующими нововведения, ухудшающие положение людей (рост тарифов, стройки в непосредственной близости от домов, вырубки деревьев и пр.).

Модернизационные эффекты социального новаторства

Для многих лидеров общественных организаций гражданская активность стала естественным продолжением их профессиональной деятельности²⁰. Такой выход за рамки профессии зачастую обусловлен тем, что формальные рамки профессии мешали решению профессиональных задач. Примеров такого рода, очень ярких, много. Например, история создания Фонда помощи детям с врожденными пороками сердца. Сейчас уже существует региональная сеть таких фондов; большое количество спонсоров и партнеров. Новая общественная деятельность отпочковывается от деятельности государственных структур в силу того, что последние не обладают необходимой гибкостью для реализации проектов, в которых функции неопределенны и принципиально разомкнуты. Социальный новатор вынужден принимать решения в абсолютно новой ситуации: тогда, когда нет ни правовых регламентов новой деятельности, ни прецедентов, на которые стоит ориентироваться и на которые можно ссылаться, когда нужно находить выход из трудного положения.

Способность *«придумать процесс»* предполагает, во-первых, уверенность человека в том, что цель, ради которой он действует, признается потенциальными партнерами и контрагентами как безусловно важная, основанная на разделяемых всеми ценностях, таких, например, как помощь слабым. Во-вторых, социальный новатор убежден, что совершенно незнакомые люди будут доверять ему в его начинаниях, и сам доверяет им. Конечно, новатор рискует: прецедент создает не только удача, но и неудача. Последователям труднее будет действовать, если первый опыт оказался проваленным, не только потому, что нужно искать другие, более удачные алгоритмы действий, но и потому что оказывается скомпрометированной сама идея. И конечно, для того чтобы *«придумать процесс»*, нужны образование и творческие способности.

Ещё одна отличительная черта социальных новаторов, если судить по данным интервью, – это *способность создавать солидарные сообщества*, коллективы, объединенные общностью ценностей, интересов и биографий. Такие сообщества могут существовать более или менее долго. Важно, что структура сообщества и созданные социальными новаторами практики сохраняются довольно длитель-

²⁰ Бахмин В. О практиках проактивной социальной мобилизации (<http://strategy2020.rian.ru/load/366104758>).

ное время даже тогда, когда персональный состав участников меняется.

Сейчас социальные новации в наиболее успешных случаях существуют уже не в виде увлекательных и назидательных историй, а в виде *«гражданских технологий»*, когда не просто рассказывается об успешном опыте, а описываются пошаговые действия в той или иной проблемной жизненной ситуации. Один из наиболее ярких примеров – опыт Пермской гражданской палаты, где под рубрикой *«Лучшие гражданские практики России для всех»* описываются пошаговые действия человека, решившего добиться нарушенной справедливости. Такую же базу социальных технологий ведет Сибирский центр поддержки общественных инициатив²¹. Эти и им подобные центры проводят конкурсы, ярмарки социальных проектов, благотворительные сезоны, форумы грантополучателей.

Так же, практически «с нуля», начал работать проект «Фонды местных сообществ». Его инициатор и лидер отмечает, что единственным институциональным ресурсом, который смогли использовать инициаторы этого движения, был 131-й Федеральный закон о местном самоуправлении. У муниципалитетов в большинстве случаев нет денег на то, чтобы реализовывать дорогостоящие проекты, но есть ресурсы другого рода: способности, возможности, таланты местных жителей; авторитет, репутация, имидж территории, ее культура (традиции, обычаи), мифы и легенды, местный патриотизм, технологии и креативные идеи. «Фонд местного сообщества» – это, с одной стороны, деньги муниципалитетов и местных предпринимателей, а с другой стороны – рабочие руки, инициатива жителей, рядовых граждан.

Данные нашего массового опроса (апрель 2012) показывают, что ресурсы образования, доверия людям, готовности к кооперации присутствуют у тех, кто включен в общественную деятельность. А это значит, что социальные новаторы формируют вокруг себя среду таких же креативных людей, обладающих *социальным темпераментом*, либо сама эта среда порождает лидеров, которые и становятся социальными новаторами.

²¹ Поговорим о гражданском обществе. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001.

Барьеры развития российского добровольческого движения и возможные механизмы их снятия

Многочисленные препятствия и трудности на пути развития российского добровольческого движения прослеживаются по материалам экспертных (углубленных) интервью с руководителями общественных организаций и групповых дискуссий с рядовыми участниками добровольческого движения. Эти два типа респондентов хотя и не противоречат друг другу, но рассматривают проблемы развития добровольчества с разных точек зрения²².

Волонтеры более конкретны и эмоциональны в описании трудностей и препятствий, которые встречаются в повседневной добровольческой деятельности. Эксперты чаще апеллируют в своих суждениях к институциональному и социетальному уровню, делают акцент на финансовых и управленческих моментах.

Значительная часть респондентов (как самих добровольцев, так и представителей общественных организаций) подчеркивали, что трудности, с которыми сталкиваются в своей деятельности волонтеры, во многом лежат *вне самого добровольческого движения*. По их мнению, главная проблема заключается в том, что для добровольчества в России не хватает ни социально-экономических, ни социально-психологических предпосылок.

Социально-экономические условия в стране

Неоднократно в ходе дискуссий высказывалось мнение, что развитию добровольчества в стране препятствует слишком низкий уровень жизни. У большинства людей физически нет времени на то, чтобы поработать безвозмездно: все их усилия направлены на то, чтобы заработать на жизнь, обеспечить семью.

²² <http://www.pgpalata.ru/>

У нас в России волонтерское движение развито меньше, чем в Западной Европе, чем в США. Но не кажется ли вам, что это еще и связано с тем, что сама общественно-экономическая система к этому мало приспособлена?.. Чем выше уровень жизни, тем выше уровень сознательности, и соответственно у людей больше возможностей заниматься такой деятельностью. (ДФГ, Волгоград, 26, м, участник археологических раскопок)

<Трудность, с которой приходится сталкиваться,> – усталость людей... Людям много времени нужно, чтоб заработать деньги на житье, и поэтому еще заниматься какими-то стариками... «мне некогда, я работаю», «мне некогда, я отдыхаю, я дома, с семьей». (интервью, Ростов-на-Дону, 31, ж, старшая по подъезду)

Соглашаясь с этим тезисом, некоторые подчеркивали, что развитию добровольчества мешает не только отсутствие времени и сил, но и *самоидентификация с группой «бедняков»*. Задумываясь о самой возможности кому-то бескорыстно помочь, многие россияне, по мнению респондентов, ощущают себя скорее потенциальным объектом, чем субъектом такой помощи.

Я думаю, что в ближайшее время в нашей стране благотворительность, увы, не получит пока что массовый характер. У нас множество людей, живущих в бедности или за её пределами. И считают, что они не в той ситуации, чтобы заниматься благотворительностью, – кто бы им самим помог. Думаю, когда повысится уровень благосостояния граждан, тогда, возможно, люди в большей степени захотят помочь нуждающимся» (on-line ФГ, м, участник различных благотворительных акций, например, восстановления храма)

Те, кто в своей деятельности связан с относительно благополучными группами сограждан, полагают, что по мере неизбежного приближения уровня жизни россиян к западным стандартам все больше будут распространяться и соответствующие образцы поведения, в том числе – традиции благотворительности.

Есть некие общечеловеческие ценности, может, какая-то жалость. Я вот постоянно думаю: бесконечно зарабатывать деньги нельзя, мне достаточно этих денег... По мере роста уровня жизни мы тянемся к каким-то западным целям, например, волонтерство на Западе более развито. Это как вирус, когда смотришь, как другие у себя организовали... (ДФГ, Самара, 36, м, организатор бизнес-сообществ)

Те же, чья активность ориентирована на социально уязвимые группы населения, настроены более пессимистично. Они считают вполне реальной перспективой консервацию и даже усугубление ситуации, существующей сегодня.

Дифференциация населения по доходам усиливается, социальная напряженность возрастает, уровень жизни населения падает... Все это приводит к тому, что надо вкалывать как лошадь, чтобы прокормить семью, постоянные стрессы, отсюда уход от реальности в наркоманию или алкоголизм. Поэтому у нас столько сирот при живых родителях, столько больных людей, столько заключенных, столько наркоманов и брошенных животных. Поэтому в корне надо менять структуру государственного управления, социальная реальность у нас ужасающая!!! (on-line ФГ, 24, ж, координатор социальных проектов, волонтер детского дома, помогает сообществу бывших наркоманов)

Взаимоотношения государства и добровольческого движения

Общий характер взаимодействия

Проблемы, с которыми сталкиваются волонтеры при необходимости входить в контакт с государственными структурами и служащими, по частоте упоминания стоят на одном из первых мест. Большинство тех, кто касался этой темы, сошлись во мнении, что государство как минимум не поддерживает деятельность добровольцев. Даже такой результат, как «торжественное» обещание не мешать», требует немалых усилий и воспринимается как победа.

Не хватает поддержки от государства, не дают разрешений... – вот это очень тяжело. Вот ты чего-то начинаешь делать – а это уже незаконно. То есть без разрешения ты сделать ничего не можешь. (ДФГ, Москва, 22, м, наблюдатель на выборах)

...начал свой путь в благотворительность с того, что просто подбирал бездомных кошек, потом собак и просто брал их к себе в дом как четвероногих любимцев. Через некоторое время решил организовать свой маленький приют для бездомных собак и кошек, обитающих в нашем посёлке – и столкнулся с проблемами в отношении администрации нашего города. Долго не давали добро на получение земельного участка, на организацию благотворительного фонда, о

получении статуса благотворительной организации и говорить нечего. В конечном итоге от администрации помощи ждать не пришлось, но «торжественно пообещали» не мешать. Сейчас приюту помогают друзья и просто добровольцы. (on-line ФГ, Новосибирск, 22, ж, помогает молодым музыкантам)

Особенно удивляет респондентов, что государство не идет на конструктивное сотрудничество даже с теми волонтерами, которые пытаются ему помочь в выполнении тех или иных функций.

Не встречали безвозмездной помощи от различных структур, ее оказать могут только другие благотворительные организации. Это и есть основная проблема. С одной стороны, мы действуем в интересах государства, помогая ему решить социальные проблемы, а с другой – не можем получить элементарной поддержки от того же государства. (on-line ФГ, Самара, 29, ж, помощь бездомным животным)

Один из представителей общественных организаций объясняет эту ситуацию тем, что госструктуры видят в добровольцах, благотворителях конкурентов, отбирающих у них важные козыри, которые они могли бы использовать в своей PR (точнее, GR) активности.

Проблема серьезная: мы вступаем в конкуренцию с госструктурами подобного направления. Буквально в конкуренцию. Но понимаете, если это профильное учреждение, то им выделяют бюджет, они должны делать как бы эту работу на высоком уровне. Они ее делают на очень низком уровне – и отчитываются. А мы, не имея бюджета, делаем намного лучше, намного больше, чем они. Они раздражаются, да, но проблема в том, что мы сейчас как центр, например, не можем быть подразделением, что ли. Они привыкли разговаривать с НКО как с некой недоразвитой, что ли, структурой, какими-то дурачками полуобразованными, которые без работы. Понимаете, когда делом занимаются образованные люди, которые болеют за дело, это становится угрозой для некоторых структур... Ведь госструктурам результаты работы не нужны, они отчитываются не перед людьми – они отчитываются перед вышестоящим начальством, они должны пиарить как бы себя, они должны: «Вот, мы такие как бы хорошие, а тут какая-то некоммерческая организация, у которой нет никакого бюджета, проводит мероприятия...» (интервью, Москва, 37, м, Центр социокультурной анимации «Одухотворение», помощь инвалидам, семьям с детьми-инвалидами)

По словам опрошенных, государство проявляет интерес к добровольческим проектам и организациям в трех случаях.

1) Когда удается активизировать личные связи и заручиться поддержкой конкретных функционеров.

Действительно, складывается такая ситуация, что если ты просто куда-то идешь от себя, тебя не поддерживают, а вот если используешь связи и кто-то договаривается, то это совсем другое дело. (on-line ФГ, 24, ж, координатор социальных проектов, волонтер детского дома, помогает сообществу бывших наркоманов)

2) Когда у представителей власти появляется желание использовать волонтеров в своих целях.

...это значит нужно, чтобы для самих властей была какая-то выгода. То есть мы должны принести им прибыль или прорекламировать их, может, сделать что-то для них бесплатно, за что им бы пришлось платить. (on-line ФГ, Ростов-на-Дону, ~20, м, заместитель председателя районного совета молодежи)

Понимаете, если я не приду, не заявлю, не попрошу и не потребую, они как бы не помнят и не знают. Они об этом вспоминают, когда им нужно пропиариться: «Да, у нас есть такая организация. Точно, мы знаем название». Буклет могут показать, который мы сделали своим трудом, своими силами, «благодаря депутату или комитету». В общем-то, ходишь, кланяешься и кланчишь. Такого сотрудничества не вижу. (интервью, Ростов-на-Дону, 45, ж, Детско-молодежная общественная организация «Улица моего детства»)

3) Когда речь идет о контроле со стороны государства за деятельностью общественных организаций.

Отчитываться нам вышестоящим надо, и это иногда раздражает. Потому что они говорят: «А почему вы нам не отчитываетесь? Вот у нас есть отдел волонтеров в отделе молодежной политики в кремле – так, пожалуйста, вы к нам придите и отчитайтесь!» Это напрягает. (ДФГ, Нижний Новгород, 50+, ж, участник просветительских проектов в общественном объединении, помогает заключенным)

Некоторые представители общественных организаций, работающих с волонтерами, отмечали, что, поскольку заинтересованность в сотрудничестве носит со стороны государства не содержательный, а сугубо прагматичный характер, те немногие шаги, которые дела-

ются навстречу добровольцам, либо остаются «в большей степени на бумаге», либо не дают реального результата.

Они пытаются там что-то делать, какие-то организовывать семинары. Но организывают их с теми людьми, которые в этом ничего не понимают. То есть они пытаются как-то это всё делать сами, не имея при этом никакого опыта, и это, конечно, ведет к плачевным результатам: огромное количество денег расходуется на то, что... вот на воздушный пузырь... Показуха, потемкинские деревни просто. (интервью, Москва, 27, ж, БФ «Подари жизнь», помощь детям с тяжелыми заболеваниями)

Сейчас принята Конвенция <о правах инвалидов>, 27 апреля президент подписал и ратифицировал очень важный международный документ. Проблема-то опять же социальная, она касается отношения к этим людям, касается отношений людей, работающих в общественном секторе, работающих в госструктуре. Понимаете, если пандус построили формально и им воспользоваться нельзя... Люди, которые всё это сейчас делают – и на уровне государства, и на уровне предприятий которые всё делают, – они не думают на самом деле о людях с инвалидностью, они не консультируются с ними. (интервью, Москва, 37, м, Центр социокультурной анимации «Одухотворение», помощь инвалидам, семьям с детьми-инвалидами)

Один из примеров попытки государства поучаствовать в деятельности добровольцев – введение так называемой «книжки волонтера». Это нововведение широко обсуждается руководителями общественных организаций (преимущественно в негативном ключе), тогда как «рядовые» волонтеры его практически не заметили.

Ну пытаются наши власти как-то поддерживать, в какой-то период какие-то книжки волонтера выпускались, вроде как книжка донора. Я не знаю, мне кажется, что эта книжка бесполезна, я не смогла найти ей применение. Построение волонтерской модели нужно не сверху, а снизу. Должна быть инициатива, может быть, какие-то модельные проекты, чтобы работать с этими волонтерами. (интервью, Екатеринбург, 23, ж, БФ «Свои дети»)

Государство мешает. Например, введя книжку волонтеров. Это очень плохо, потому что волонтерство – оно не должно быть ради книжки, ради тех благ, которые тебе это принесет. Это бескорыстное, это добрая воля – «доброволец». И плюс еще нашему государству нужно понять, какое количество, для того чтобы отчитывать-

ся перед мировым сообществом. Там же к 2014 году у нас должно быть какое-то количество волонтеров, потому что это требование МОК... И получится какое-то даже раздражение со стороны тех, кто по-настоящему помогает. (интервью, Москва, 27, ж, БФ «Подари жизнь», помощь детям с тяжелыми заболеваниями)

Впрочем, в однократном суждении введение «книжки волонтера» оценивается вполне позитивно. Автор – руководитель регионального отделения МГЕР, который, как хорошо видно из контекста, в принципе полностью поддерживает и одобряет политику правительства по отношению к добровольчеству.

Раньше даже не знали люди о волонтерских книжках. Но сейчас она уже принята на уровне правительства регионального. Вообще вот волонтерская книжка <есть> в нормальных странах: Германии, США. (интервью, Нижний Новгород, 19, м, Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия «Единой России»»)

Несовершенство законодательства

В высказываниях респондентов не было недостатка в примерах конкретного проявления недружественного отношения государства к волонтерскому движению. Первое, на что обращали внимание участники исследования, – это проблемы законодательства. С одной стороны, добровольчество не имеет того правового статуса, который позволял бы его участникам юридически оформлять свою деятельность, не прибегая к разнообразным ухищрениям.

Вот у нас в Самарской области нет финансирования волонтерского движения. Нам приходится подходить под статью «Гражданское воспитание», чтобы получить хоть какие-то деньги. И под гражданским воспитанием нам могут выделять средства уже на транспорт, на форум добровольческий. Вот когда этот закон будет принят – а он сейчас находится на рассмотрении, – тогда будет лучше. (ДФГ, Самара, 24, м, центр социальных инициатив)

С другой стороны, существует ряд надуманных, по мнению опрошенных, нормативных актов, которые ограничивают их возможности оказывать помощь нуждающимся.

Основная проблема – это государство. Допустим, с детдомами – там есть определенное ограничение на то, как ты будешь оказывать помощь. Вечная проблема: деньги дать нельзя в силу законодатель-

ства. И другие сложности, которые упираются в различные административные <барьеры>... (ДФГ, Омск, 31, м, организатор ролевых игр)

При этом волонтеры не ощущают ни желания властей менять законодательство, ни возможности со своей стороны повлиять на ситуацию.

У нас в стране сложилось декларативное законодательство. И когда люди пытаются применить их [законы], они видят недостатки... Народ не имеет права законодательной инициативы. И что бы они там ни придумали, у них нет возможности эту идею донести до власти. (ДФГ, Казань, 58, м, правозащитник)

В единичных высказываниях отмечалось, что даже там, где существуют законы, которые могли бы помочь в деятельности волонтеров, практика их применения далека от идеала.

Некая импотенция органов... Грубо говоря, чтобы наказали человека за грубое обращение с животным, то он должен собаку на вечном огне в День Победы сжечь в присутствии журналистов. Примерно так. (ДФГ, Омск, 31, м, организатор ролевых игр)

Некачественная работа госструктур и госслужащих

Нужно отметить, что практически никто из участников исследования не жаловался на какую-то особую предвзятость госслужащих по отношению именно к волонтерам. Речь шла о том, что, поскольку нет «государственной линии» их поддержки, к ним подходят «на общих основаниях», то есть с большой долей высокомерия и явным нежеланием осложнять свою жизнь, помогая непонятым «тетенькам с улицы».

По заданию профсоюза мне надо было написать методическое руководство для предпринимателей. Кто хочет открыть свое дело – построить, например, киоск на земельном участке – для них нужно было процедуру эту описывать. Пошел в комитет по землеустройству и градостроительству. Зашел, чтобы мне дали материал какой-то. Они для этого, в принципе, и существуют, эти организации, то есть департаменты предпринимательства и градостроительства. К ним идешь, как будто ты преступник какой-то. То есть они относятся к тебе... че приперся вообще?! Неприятно туда заходить. Я даже не говорю о том, что у нас мало кто улыбается. А там вообще: че зашел?

Не заходи к начальству. К начальству нельзя заходить! (ДФГ, Волгоград, 24, м, профсоюзный активист)

Есть барьер между третьим сектором и государством, естественный барьер. Государство у нас самодостаточное, все чиновники самодостаточные, они себя ощущают большими величинами. А вот тетеньки с улицы, которые создают организацию, – они воспринимаются как никто. (ДФГ, Казань, 42, ж, женский кризисный центр)

Шанс убедиться в неготовности чиновников к сотрудничеству имеет любой волонтер, независимо от сферы, в которой он реализует свои проекты. Но чаще об этом как о серьезной проблеме говорили представители так называемого жилищного актива, которым, как можно предположить, по роду своей деятельности приходится теснее общаться с представителями местных администраций и муниципальных служб.

Когда несколько кругов обойдешь – уже и на начальника милиции, и участкового, и домоуправление, ГУП, ЖКХ по третьему кругу, – тогда что-то сдвигается. Вообще <все> вопреки человеку. (ДФГ, Новосибирск, 57, ж, активист по месту жительства)

Если представителей государства все же удастся побудить к взаимодействию, оно зачастую происходит по всем канонам бюрократического жанра: с волокитой, очередями и огромным количеством разного рода бумаг.

В опеке такая волокита! Только придешь, там столько тебе всего навешают – только успевай отряхивать всю эту лапшу. Такая бюрократия, вообще! (ДФГ, Нижний Новгород, 65, ж, опекун ребенка)

Каждый кладёт под сукно и хочет, чтобы кто-то первый поставил подпись: «А я потом. Пусть первый распишется, даст добро, а следующий – я». (ДФГ, Новосибирск, 53, ж, старшая по подъезду)

Случается, что волонтерам не остается ничего иного, как идти для решения реальных проблем на всякого рода житейские хитрости. Примечательно, что этот метод работает в любых связанных с государством структурах: от муниципальной бани до кабинетов больших начальников.

Снизу ничего не добьешься. Вот пока самого высокого начальника не пробыёшь. А его как пробыёшь? Вот я лично ходила... он мне как-то проговорился, что он в полседьмого на работе. И я вот приходила

к нему в полседьмого. Он кофе пил, к нему начальник милиции приходил и я вот с ними с двумя... [смех] И я ходила так несколько дней подряд. И наконец-то я убедилась. И они потом мне даже свои проблемы рассказывали. И я тоже понимала их и им сочувствовала, что им тоже тяжело... (ДФГ, Новосибирск, 53, ж, старшая по подъезду)

Коррупция

Вопрос о коррупционных практиках возник лишь в одной фокус-группе и не получил особенного развития, хотя контекст обсуждений не дает оснований отнести эту тему к числу табуированных. Скорее можно предположить, что представители добровольческого сообщества не рассматриваются чиновниками как «интересные» в коррупционном плане контрагенты. Неслучайно об этой проблеме упомянули только те, кто в общении с государством представляет сообщества жильцов, то есть работает в сфере, связанной с вопросами собственности и госзаказа.

Если ты зайдешь к ним [чиновникам] и сверху заявления будет лежать какая-нибудь интересная бумажка с... каким-нибудь изображением, то быстренько бумажка <подействует>. (ДФГ, Новосибирск, 35, м, активист по месту жительства)

Сейчас же у нас закон о конкурсах. И вот когда они доходят до этой стадии, то почему-то подрядчики – уже такие свои люди, в которых они наши денежки закладывают на откат. Вот с этим мы сталкиваемся. (ДФГ, Новосибирск, 53, ж, старшая по подъезду)

Противостояние в сфере политики и правозащиты

Отдельный развернутый список претензий к властям был предъявлен респондентами, которые идентифицировали себя как правозащитники и гражданские активисты. Отличие их высказываний в том, что в них часто речь идет о действиях на грани, а иногда и за гранью закона. Агрессия государства против этой группы волонтеров реализуется по самым разным направлениям.

а) Информационная война во всех видах средств массовой информации, включая интернет.

Сильная очень контрпропаганда. Нас кем только не называли: и уголовниками, и хипстерами... И вообще информационная корпорация ТАТ-МЕДИА – все уже знают, на кого она работает, чьи ин-

тересы представляет. Там все сделали так, чтобы никакой материал не прошел в подконтрольных ей изданиях. Пытаемся как-то выходить на федеральные издания, информацию размещаем. А в Татарстане – блокада полная. (ДФГ, Казань, 28, м, гражданский активист)

Очень много в интернете чисто технических способов борьбы с нами как с правозащитниками, как с волонтерами. Тролли, боты, какие-то такие атаки полуинтеллектуальные... (ДФГ, Москва, 29, м, член общества «Синие ведерки», правозащитных интернет-сообществ)

б) Поражение в правах, составление разного рода «черных списков».

Если нашу деятельность указать, то никуда не возьмут на госслужбу. (ДФГ, Казань, 56, ж, правозащитник)

в) Психологическое давление.

Неприятно, когда тебя приглашают в учреждение, увозят, выворачивают пальцы наизнанку, берут отпечатки. А я после бани, после всего... И мне говорят, когда фотографируют, чтобы повернулась в профиль... (ДФГ, Казань, 56, ж, правозащитник)

г) Прямые угрозы и силовое воздействие.

Когда это касается избирательных дел, конечно, очень инертна сама система, очень пытается защититься. И иногда не очень корректными способами – меня поколотили, было дело, пытаюсь инсценировать, что я завязал драку... на избирательном участке. Это был повод вынести меня ногами и руками... (ДФГ, Москва, 29, м, член общества «Синие ведерки», правозащитных интернет-сообществ)

Отдельно подчеркивалась ангажированность правоохранительных органов, которые участвуют в сомнительных акциях против гражданских активистов, но ничего не предпринимают, когда им угрожает опасность.

Меня перед выборами, дня за четыре до них, угрозыск искал, притом не у меня дома, хотя адрес знают все, когда я в исполком заявления подаю. Меня искали по прописке, по одноклассникам, по всем родственникам. Меня искал угрозыск якобы за то, что я что-то разместила ВКонтакте. Потом перед 10-м числом всех задерживали. Люди даже не дошли до митинга. (ДФГ, Казань, 27, ж, гражданский активист)

Завершая раздел, посвященный взаимодействию добровольческого сообщества с государством, нужно упомянуть, что некоторые респонденты призывали коллег по обсуждению не сетовать на недостаток государственного внимания, а самим вести себя более активно – тогда и государство вынуждено будет пойти на контакт.

Проблема с государством, с органами контролирующими, с исполнительной властью – какой угодно властью – возникает. Но как выяснилось, все решаемо. Надо энергичней действовать. Да, человеку приходится тратить время не на свое любимое дело, не лечить животных, не изучать историю, а бодаться с государством. Но энергетика победит в любом случае. Человек – хозяин. (ДФГ, Омск, 26, м, участник исторических реконструкций)

Однако при интерпретации этой группы высказываний необходимо принимать во внимание несколько моментов. Первое: эту позицию разделяют очень немногие. Фактически она была артикулирована дважды – в единичном высказывании участника фокус-группы в Омске (группа не поддержала это мнение) и в обмене репликами в одной из online-дискуссий. Второе: авторами высказываний были очень молодые люди, либо непосредственно работающие, либо ориентированные на сотрудничество с общественными организациями, изначально аффилированными с властью. И наконец, третье: сказанное фактически никак не опровергает точки зрения большинства: само государство на контакт с добровольцами не идет, даже при наличии соответствующих программ и финансирования. Чтобы склонить его к сотрудничеству, необходимы специальные, часто неординарные усилия.

С учетом сказанного приведенные цитаты фактически лишь подтверждают сформулированную одним из респондентов и уже процитированную мысль: шанс получить государственную поддержку имеют только те добровольцы, кто обладает ресурсами, позволяющими им быть своими в окол властных кругах (полезными знакомствами, доступом к информационным источникам), а также готовностью подстраивать свою деятельность под государственные программы.

Более опытные участники волонтерского движения, тоже, впрочем, умеющие выстраивать взаимодействие с разными контрагентами, со своей стороны подчеркивали: возможность «найти контакт» с отдельными чиновниками не делает саму проблему недружественного отношения государства к добровольцам менее острой.

Для того чтобы ситуация реально изменилась, необходимы системные решения и единая политика, не зависящая от настроений отдельных исполнителей.

Мы на уровне специалистов и человеческих контактов находим выход, но это несистемное решение. Нет системного решения налаживания диалога, чиновники на сегодняшний день не очень заинтересованы в развитии взаимодействия, совместном продвижении. Причем есть почва, мы в любое министерство пойдём, мы найдем людей, которые хотят работать. Но я понимаю, что это несистемное решение. Должно быть системное решение, рычаги воздействия на госорганы, чтобы мы могли работать: принимать рекомендации, анализировать, обучаться современным методам работы. (ДФГ, Казань, 42, ж, женский кризисный центр)

Отношение окружающих к добровольцам и их деятельности

Необходимо подчеркнуть, что высказывания, которые мы будем анализировать в этом разделе, отличаются от тех, что были процитированы выше и будут приведены ниже в рамках разговора о проблемах добровольчества, важным качеством: они, за редким исключением, не были спонтанными. Напомним, что вопрос о проблемах, трудностях, с которыми сталкиваются волонтеры, задавался в исследовании в общей форме, и суть проблем респонденты формулировали самостоятельно, лишь в редких случаях модераторам приходилось стимулировать дискуссию более конкретными дополнительными вопросами-пробами.

Что же касается того, как к добровольцам относится их социальное окружение, то большинство прозвучавших по этому поводу суждений сводились к тому, что деятельность волонтеров воспринимается остальными людьми, мягко говоря, с «неким непониманием», а в некоторых случаях – с отторжением.

Бывают моменты, когда сталкиваешься с людьми, которые не то чтобы не ценят твои старания, а даже презируют то, что делаешь (on-line ФГ, Санкт-Петербург, ж, активист молодежного землячества)

Самый распространенный вопрос, который, судя по рассказам опрошенных, задают им окружающие: зачем?

Есть такие, которые говорят: «Ну зачем тебе это надо? Прекрати. Зачем ты это делаешь?» (ДФГ, Новосибирск, 47, ж, активист по месту жительства)

Подсознательно, можно сказать, у россиянина, у русского человека есть недоверие к тому, что человек будет что-то делать просто так. А почему он это будет делать? (ДФГ, Омск, 24, м, волонтер землячества)

Вот вышли около подъезда деревья сажать. Ходят люди, пожилые уже, которые, казалось бы, должны кричать: «Молодцы!», да? А они: «Вам это больше всех надо?» Некоторые говорят: «А, вон дураки какие-то, лучше посидеть, пивка попить, чипсами похрустеть, нагадить, замусорить». (интервью, Нижний Новгород, 40+, м, «Нижегородское ополчение – группа патриотов земли Нижегородской», «Радуница»)

Судя по всему, ответы на подобные вопросы не всегда воспринимаются как убедительные. Нередко добровольцы ощущают, что к их деятельности многие относятся как к чему-то «не очень здоровому», видят в ней проявление «ущербности».

Смотрят как на чудака. (Санкт-Петербург, 39, м, член союза молодых ученых)

Да. Или говорят: «Ты больной, что ли? Тебе больше всех надо?» (ДФГ, Санкт-Петербург, 50, м, активист землячества)

Любая безвозмездная деятельность – к ней отношение странное... А то, что люди тратят свое свободное время не на себя, а на других – это больше похоже на... в нашем менталитете на какую-то ущербность. У нас ведь профессия педагога, если ее сравнивать, – ну, это же профессия неудачников. Соответственно и волонтер – он точно такой же неудачник. То есть ему пристроиться некуда было – и он пошел в волонтерскую деятельность... И ломать нужно этот стереотип. (интервью, Москва, 29, м, молодежное движение «Сталь»)

Самое распространенное объяснение, которое, по мнению волонтеров, дают их поведению сами окружающие их люди, – скрытый корыстный интерес.

Половина из... <сторонних наблюдателей> будут заглядывать в глаза и спрашивать: «Кто тебе за это платит?» (ДФГ, Москва, 56, ж, наблюдатель на выборах)

У меня бывают такие случаи, что когда рассказываешь о своей деятельности, вот расскажешь, а тебя потом спрашивают: хорошо, это все понятно, замечательно, а коммерческая прибыль здесь где? (ДФГ, Омск, 24, ж, фонд поддержки социальных инициатив)

Случается, что волонтеров подозревают не просто в неискренности и корысти, но и в еще менее благовидных мотивах, которые чаще всего определяются словом «мошенничество». И некоторые участники исследования не без горечи признавали, что для этого есть основания: «под видом волонтеров» иногда действуют люди, полностью дискредитирующие добровольческое движение.

Бывает, подходят: «А что вы тут делаете? – Благотворительное. – А благотворительно ничего не бывает!» Никто почему-то не понимает, что есть еще в реальности добро. Считается, что если отдаешь, значит, кто-то в этом заинтересован, или продукт просрочен, или еще что. (ДФГ, Екатеринбург, 28, активист общества инвалидов)

Сейчас очень много мошенников, которые пользуются вот такими бедами людей, как болезнь детей и близких. Люди, желая помочь, перечисляют деньги, а оказывается, что они уходят какому-нибудь негодяю. Поэтому теперь народ очень недоверчивый. (on-line ФГ, Екатеринбург, ж, активист по месту жительства)

По мнению представителей общественных организаций, опрошенных в ходе интервью, помимо мошенников, есть еще один субъект общественной жизни, причастность которого к волонтерским проектам дискредитирует саму идею добровольчества, – это государство. Респонденты опасаются, что государственная активность в этой сфере, особенно заметная в связи с подготовкой к Олимпиаде в Сочи, не пройдет бесследно для репутации добровольческого движения.

Я знаю, что у нас создан Центр развития добровольчества. Он государственный. И отсюда, на мой субъективный взгляд, он больше ориентирован на какие-то массовые акции с участием волонтеров. И я по своим волонтерам знаю, что это не всегда положительную репутацию волонтерам создает, когда толпа в одинаковых футболках идет. Кому-то это нравится. Но я знаю, как только я произношу слово «акция», наши ребята, которые приходят, говорят: «Нет. Вы что?!» (интервью, Санкт-Петербург, 31, ж, общественная организация «Врачи детям»)

Государству нужны массы, так скажем, бесплатной рабочей силы, нужно мотивировать людей на такую работу, которая на самом деле к добровольчеству не всегда как бы имеет отношение. Например, участвовать, скажем, в Сочи – вот эти все мероприятия. Или на Селигере, да? Там, где нужны люди, мальчики-девочки, студенты, которые будут бесплатно что-то делать. Деньги тратить как бы на обслуживающий персонал не нужно, на гастарбайтеров и так далее. (интервью, Москва, 37, м, Центр социокультурной анимации «Одухотворение», помощь инвалидам, семьям с детьми-инвалидами)

И все же, если судить по рассказам волонтеров, отношение к ним в обществе не столь однозначное. Некоторые отмечали, что сталкиваются одновременно и с позитивной, и с негативной реакцией разных людей.

Люди же разные, по-разному относятся. Некоторые говорят: «Ваши проблемы – вы и решайте». (ДФГ, Нижний Новгород, 65, ж, опекун ребенка)

Некоторые говорят: «Зачем вам это надо? Зачем вам это нужно?!» Другие поддерживают: «Вот какая молодец!» (ДФГ, Нижний Новгород, 40, ж, помощь беспризорным детям)

Некоторые участники исследования отмечали, что отношение к добровольческой активности всякий раз подвержено динамике. Поначалу она часто воспринимается в штыки, но по мере того как люди больше о ней узнают (лучше, если на конкретных, результативных примерах), у них возникает сопереживание и желание присоединиться.

Отношение где-то как к чудаковатым людям, где-то 80% – они как бы не готовы... Но когда они видят результаты (ну опять-таки, детей усыновленных, удочеренных, некоторые плоды работы «Синих ведерок» по трагедии на Ленинском проспекте), основная масса (ну опять-таки, будем говорить о больших городах, потому что до деревень-то информация не доходит), ну, интернет-пользователи – соответственно у большинства возникает: «А, молодцы, ребята, так и надо. Я бы этим тоже занимался, но у меня нет времени». (ДФГ, Москва, 29, м, правозащитник)

Большинство участников исследования, как видно из приведенных высказываний, отвечая на вопрос об отношении окружающих к добровольцам, опирались прежде всего на опыт межличностного

взаимодействия. Те, кто оценивал ситуацию с точки зрения институтов, были в явном меньшинстве. Некоторые из них отмечали, что по крайней мере те организации и проекты, которые представляют они сами, не встречают сочувствия и интереса ни у СМИ, ни у потенциальных спонсоров, ни у местных сообществ.

В СМИ несерьезно к этому относятся: не приходят на мероприятия, хотя и обещают. (ДФГ, Самара, 20, ж, международная молодежная организация в сфере культурного обмена)

Одна из руководителей общественных организаций подметила, что институции, как и люди, тем лучше относятся к волонтерам и легче идут на сотрудничество с ними, чем больше у этих институций ресурсов, опыта и информации о том, что представляет собой добровольческое движение.

Те, кого я знаю, – они, конечно же, достаточно быстро соображают то, как это важно, как много волонтеры могут дать организации. Но это те, кто крупные, большие. А те, кто вот мелкие, – у них трудности, конечно, потому что они не знают, как это правильно делать, и могут нанести вред неправильными действиями. (интервью, Москва, 27, ж, БФ «Подари жизнь», помощь детям с тяжелыми заболеваниями)

В ходе обсуждения отношения к волонтерам однократно прозвучало любопытное наблюдение: меняться может не только отношение окружающих к тем, кто стал добровольцем. Они сами тоже иногда утрачивают интерес к бывшим знакомым, которые «не выросли» до их увлечения.

Я стала замечать, что знакомые, мои верные друзья, с которыми я раньше общалась, то ли я их переросла – у нас вообще разные интересы. Я перестала общаться с прежним кругом друзей. Не знаю, к плюсу или к минусу это отнести. С одной стороны, обидно, что люди не поддерживают и не понимают то, что я делаю дело, и бесплатно. С другой стороны, может быть, я на самом деле их переросла? И я много других людей узнала. (ДФГ, Самара, 20, ж, международная молодежная организация в сфере культурного обмена)

Проблемы добровольческого движения

По мнению участников исследования, помимо не слишком благоприятной внешней социальной среды, развитию добровольчества препятствуют некоторые проблемы самого волонтерского движения. Если присмотреться к перечню проблем этого уровня, перечисленных респондентами, можно заметить, что это по большей части «болезни роста», трудности, связанные с тем, что несмотря на глубокие исторические корни, добровольчество в его нынешнем виде – новый для России и еще окончательно не оформившийся феномен.

Выше уже шла речь о том, что люди, наблюдающие за волонтерами со стороны, часто плохо понимают, что такое добровольчество. Не меньшей проблемой, по мнению некоторых респондентов, является то, что и внутри сообщества нет общепринятых представлений даже о таких, например, фундаментальных вещах: кто может, а кто не может считаться добровольцем, чем должны, а чем не должны заниматься волонтеры.

Нет понятия, кто такой доброволец. Очень много обращается организаций, которые говорят: «Вот нам нужно пятьдесят добровольцев, надо листовки раздавать». Я говорю: «Стоп, это же не добровольцы, а это... вы получаете какие-то деньги – за это надо платить...» Были опросы в парках, еще что-то. Я говорю, если по соседству будет стоять человек, который получает за это деньги, то потом ко мне подойдет наш доброволец и скажет: «Ты что, себе деньги забираешь?» Поэтому нужно это разграничивать, нужно понимать. (ДФГ, Самара, 24, м, центр социальных проектов)

Из приведенной цитаты хорошо видно, что такая, на первый взгляд, абстрактная вещь, как неопределенность понятий, влечет за собой шлейф совершенно конкретных последствий, начиная от

репутационных издержек, заканчивая проблемами организации работы и мотивации отдельных волонтеров.

Самым упоминаемым из такого рода последствий оказалась проблема притока в добровольчество «случайных», в том числе не всегда адекватных людей и на этом фоне – дефицит «настоящих», «истинных», «чистых» волонтеров.

Чистых таких, истинных волонтеров, прямо скажем, очень мало, практически единицы. Потому что это действительно в некоторой степени благотворительность, благотворительность своей жизнью. (ДФГ, Самара, 36, м, организатор бизнес-сообществ)

Вопрос о «чистых» и «нечистых» или, другими словами, о том, каким должен быть волонтер, – один из дискуссионных. Из некоторых высказываний респондентов можно понять, что «истинным» волонтером может считаться только абсолютный миссионер, не ищущий в своем занятии ничего, кроме желания помочь ближнему и улучшить мир. Вместе с тем из общего контекста проведенных дискуссий видно, что большинство опрошенных не отрицают, да и не видят ничего плохого в том, что людей привлекают в добровольчестве и многие вполне прагматичные вещи: кого-то – новый опыт, кого-то – новые друзья, кого-то – развитие профессиональных навыков. В частности, рассказывая о собственных мотивах участия в волонтерских проектах, многие совершенно не считали зазорным признаться, что пришли в добровольчество с разнообразными и часто вполне утилитарными целями.

Столь же противоречиво отношение участников исследования к вопросу ответственности волонтеров, к регламентации их деятельности. С одной стороны, в добровольцах высоко ценится внутренняя мотивация, инициатива, творческий подход к решению проблем и эмоциональная вовлеченность. Всему этому противопоставляется скучное «псевдоволонтерство» «для галочки», по приказу сверху.

В студенческие годы все делалось больше для показухи и в большинстве делалось с подачи руководства для галочки, а что да как – это никого не касалось. Во время подобных мероприятий обычно все заканчивалось скандалами и обидами исполнителей, не было необходимых полномочий упорядочить структуру выполнения тех или иных работ, одни делали, другие отбывали срок и портили остальным настроение. (on-line ФГ, ж, в прошлом участница студсовета)

С другой стороны, у тех, кто имеет отношение к организации работы волонтеров, есть стойкое желание «построить» этих творческих людей, сделать их деятельность регулярной и упорядоченной.

Вот сейчас у нас будет первый отсев набранных в отряд людей. Какое-то непонимание со стороны бойцов отряда. И безответственность. Вообще я не люблю, когда мужчина не держит своего слова. У нас там ребята – но они все равно мужчины же! Когда они не держат слово, когда они мне сообщают уже перед самым приходом: «У меня не получится...» Ну так нельзя делать! Сами люди не чувствуют какой-то ответственности за это. Они думают, что я могу прийти, могу не прийти. (ДФГ, Самара, 21, м, организатор студенческих субботников)

Разобщенность добровольческого сообщества

Еще один симптом незрелости добровольческого движения – низкий уровень консолидации сообщества. Об этом как о проблеме респонденты говорили не слишком часто, но неоднократно. По их словам, даже будучи единомышленниками, часто непросто договориться о совместных действиях, особенно когда речь идет о креативных и независимых людях.

Возникают споры с единомышленниками, потому что у каждого свое видение, как и что нужно сделать, поэтому сложностей хватает. (on-line ФГ, 24, ж, координатор социальных проектов, волонтер детского дома, помогает сообществу бывших наркоманов)

Проблема консолидации существует как на уровне отдельных участников, так и на уровне институций. Иногда она выражается в том, что организации вырабатывают свой тезаурус, не усвоив который, невозможно стать в них своим.

Я столкнулась со сложностью, что в каждой организации есть свой лексикон, свои слова, свои термины, своя какая-то культура. Мне было сложно влиться, потому что было очень много сокращений, названия программ, все это на своем языке – терминология. Наверное, это такая моя главная задача была. И еще была трудность в структуре организации, которую я до конца не понимала. (ДФГ, Самара, 20, ж, международная молодежная организация в сфере культурного обмена)

Недостаток опыта, образования

Отсутствие необходимых для эффективной работы знаний и навыков – пожалуй, наиболее бесспорная из внутренних проблем добровольческого сообщества. О ней упоминали чаще, чем о других трудностях, причем суждения на эту тему были лишены амбивалентности. Необходимость повышения профессионализма актуальна для многих, и разговор о профессионализме в данном случае вполне корректен, поскольку речь идет прежде всего о тех, кто обеспечивает волонтерские проекты: менеджерах, юристах, бухгалтерях, фандрайзерах.

Люди приходят, а мы их теряем из-за каких-то навыков, которых у нас <нет>. Работа с людьми. Потому что мы все пришли – мы как бы не умели работать. (ДФГ, Самара, 20, ж, международная молодежная организация в сфере культурного обмена)

Многие набирают добровольцев, но не создают для них все комфортабельные условия труда. Если тебе нужен текст, тебе нужен компьютер, чтобы его набрать, и принтер, чтобы его распечатать. А еще хуже, когда добровольцев набирают безграмотные координаторы, после которых у добровольцев вся охота заниматься волонтерством отбивается. Когда на них кричат, когда на них командуют – и говорят, что ты должен работать добровольцем! Нет, он не должен! Вы предоставьте все условия – он после этого будет работать грамотно и добросовестно. (ДФГ, Самара, 24, м, центр социальных проектов)

Острота проблемы усугубляется тем, что выход на рынок труда в поисках квалифицированных специалистов для многих ограничен скромностью бюджетов общественных организаций.

Мне нужен бухгалтер, который бы занимался всеми этими бумагами, и как бы правовые вопросы. Вот этот человек пускай получает зарплату, потому что он будет делать профессиональную работу, он будет держать организацию на достойном уровне. (интервью, Ростов-на-Дону, 45, ж, Детско-молодежная общественная организация «Улица моего детства»)

В связи с этим решать проблему в большинстве случаев приходится посредством самообразования и консультаций с коллегами. По словам респондентов, благодаря современным информацион-

ным технологиям этот путь вполне реален, но он отнимает драгоценное время.

Недостаток знаний порой мешает, но всё знать невозможно. Это повод почитать литературу на интересующую тему, самообразовываться... не отказываться же от тобой организованного события только из-за своей безграмотности. Надо решать проблемы по мере их поступления, всегда можно обратиться за помощью к коллегам и друзьям, всегда поддержат, они и сами так начинали. (on-line ФГ, Нижний Новгород, 22, ж, юридическая помощь малообеспеченным гражданам)

Проблемы материального обеспечения

Несмотря на то, что волонтерский труд не оплачивается, его организация невозможна без определенной материальной базы. На ее отсутствие или недостаточность респонденты сетовали нередко. Впрочем, как хорошо известно из многочисленных исследований барьеров к какой бы то ни было деятельности, ресурсов никогда не бывает много. Поэтому частота упоминания в данном случае не является показателем реальной значимости проблемы.

Чаще всего участники исследования говорили о дефиците финансов.

Сложность, конечно – искать деньги на все это. Потому что у нас вот сейчас вот музей – нужна краска. То есть идеи есть, есть волонтеры, есть люди. Сейчас вот работа со спонсорами. И не дают. Может, у нас не хватает профессионализма. Надо найти человека, который сможет подыскать спонсора. Какой-то психологический барьер есть. То есть ты идешь что-то просишь... И мы даже ходили на семинары. А там рассказывают, что это реально сложно – научиться. Там и слезы, потому что психологически тебе отказывают – и что-то просить еще, ну, это сложно. Для нас это проблема. Сейчас мы решаем это. (ДФГ, Екатеринбург, 40, ж, активист общественного движения в сфере культуры)

В единичных высказываниях отмечался обоюдоострый характер проблемы поиска финансовых ресурсов, а именно риск попадания в зависимость от «пожеланий» спонсоров.

Когда решался вопрос финансирования по ветеранской линии, тут дошло до конфликта. Там упирается вопрос в финансирование: тот,

кто платит, тот заказывает музыку. Те же афганцы – они потребовали определенных действий. То есть они не хотят просто так отдавать деньги – надо выполнять какую-то работу, хозяин – барин. Таким образом, организация лишается свободы действий, становится просто наемной организацией. Вот тут возникает противоречие. С одной стороны, без финансирования невозможно нормально функционировать, с другой – теряется самостоятельность. (интервью, Нижний Новгород, 40+, м, «Нижегородское ополчение – группа патриотов земли Нижегородской», «Радуница»)

Проблема доступности помещений – как офисных, так и залов для проведения мероприятий, – вторая по частоте упоминания среди материальных проблем.

Мне не хватает помещения, комнатки, где мы живем. Живем на базе штаба трудовых отрядов. Ютимся, у нас ребята что-то делают, что-то приносят с собой, и все это складывается – у нас уже все полки забиты чем только можно. Каждый оставляет там свой подарок, и когда ребята подготавливаются к мероприятию, маловато места, все друг на друге сидим. Кто-то вырезает какие-то штучки, кто-то печатает, с кем-то надо провести собрание. (ДФГ, Самара, 19, ж, центр социальных инициатив)

Трудности с набором волонтеров

В сущности, этот сюжет можно было бы назвать «Трудности с подбором мужчин-волонтеров», поскольку о нехватке людей как таковых респонденты упоминали крайне редко. О гендерном дисбалансе внутри волонтерского сообщества говорили неоднократно, в разных группах, как женщины, так и мужчины.

Физическая помощь мужская еще иногда нужна. Диваны ломали, например, с девочками – нам было сложно. Выносили старую мебель – вот не хватало мужчин. Были такие худенькие девочки, которые носили эту мебель. Нужны мужчины. (ДФГ, Екатеринбург, 40, ж, активист общественного движения в сфере культуры)

Да, кстати девчонок-волонтеров в разы больше, чем мужчин. То есть это замечается даже по количеству человек в офисе на проектах каких-то. Я пересекался, смотрю, что за люди работают. В основном девушки. (ДФГ, Екатеринбург, 25, м, активист добровольческого движения)

Информационные проблемы

Вопросы, связанные с информацией, завершают раздел вовсе не в силу их низкой значимости – скорее наоборот. Пожалуй, именно с информацией так или иначе связано большинство перечисленных выше барьеров к развитию добровольчества. Соответственно и в суждениях на эту тему во время дискуссий не было недостатка. Участники исследования отмечали разные аспекты проблемы.

Общее мнение: необходимо больше информировать общество о том, что такое добровольчество, о конкретных акциях волонтеров. В этом путь и к обеспечению притока волонтеров, и к эффективному поиску спонсоров, и к улучшению отношения общества к движению.

СМИ немаловажную роль играют. Чем больше рассказывается в тех же элементарных новостях о волонтерских движениях, о добровольческих организациях, тем больше последователей мы имеем. Многие даже не знают о том, что есть такие организации, а узнав, хотят поучаствовать сами. Людей активных и отзывчивых много, но им порой не хватает информации. (on-line ФГ, ж, активист по месту жительства)

Некоторые респонденты обращали внимание на то, что успех популяризации добровольческого движения зависит не только от информационной открытости самого сообщества. Он вряд ли будет возможен без встречного интереса со стороны средств массовой информации и других контрагентов.

Лично я обзванивала 4-й канал, ОблТВ – то есть все местное телевидение. Нам сказали что все, мол, интересно, но у нас и так столько этих движений добровольческих, что извините, мы к вам не приедем. Так обидно было! (ДФГ, Екатеринбург, 22, ж, центр социальной помощи семье и детям)

Информационное обеспечение работы добровольцев

Участники групповых дискуссий неоднократно подчеркивали, что доступ к необходимой информации – обязательное условие эффективной работы волонтеров.

Когда начинаешь объяснять, что закон на нашей стороне, поднимаешь эти статьи, начинаешь людям объяснять, читать – и тогда они

начинают понимать, что они действительно чем-то защищены, они могут что-то сделать. Если нет этой информации, если я не принесу эту информацию той же бабушке, мужчине, – то всё. (ДФГ, Ростов-на-Дону, 31, ж, старшая по подъезду)

Эта тема затрагивалась прежде всего в связи с ограниченным доступом к информации о разных аспектах работы государственных структур. Особенно активно она обсуждалась в Новосибирске, где костяк фокус-группы составили те, кто занимается благоустройством мест проживания, – именно им чаще других приходится общаться с чиновниками. Впрочем, упоминали об этом и участники других групп, и работники других сфер.

Проблема в том, что, по предположениям опрошенных, информационная закрытость многих государственных органов и служб – элемент сознательной политики, и повлиять на ситуацию силами добровольческого сообщества не представляется возможным.

Есть какая-то проблема: пришёл <к чиновнику>, он говорит: «Нет, я не могу это решить». Но он не даёт совета, к кому мне пойти дальше. (ДФГ, Новосибирск, 51, ж, старшая)

Ещё какая проблема: вот мы их содержим за свои деньги, а ведь они не допустят ни к смете, ни к чему. Через прокуратуру – и то не попадешь. (ДФГ, Новосибирск, 53, ж, старшая по подъезду)

В сферах, не имеющих прямого отношения к государству, по словам одного из участников исследования, трудности связаны не с дефицитом, а наоборот, с обилием информации. Необходимы специальные навыки, чтобы вычленить из информационного потока то, что действительно важно.

Проблема только одна: достать информацию. С одной стороны, информация есть. По сравнению с тем, что было раньше... Ее не надо выкапывать. С другой стороны, слишком много. Надо отрабатывать материалы, отсеивать лишнее. (ДФГ, Санкт-Петербург, 45, м, член общества любителей военной миниатюры)

Частные (психологические) трудности и проблемы добровольцев

Рассказы участников исследования изобилуют подтверждениями того, что добровольчество – занятие для неравнодушных, оно связано с сопереживанием, высоким уровнем эмоциональной вовлеченности в проблемы тех, на кого направлена деятельность волонтеров. Мало кто из них хотя бы иногда не ощущал симптомов выгорания, и некоторые именно это называют главной проблемой, с которой им доводилось сталкиваться.

Самая большая трудность – это чрезмерная психологическая нагрузка. Бывают очень психологически тяжелые дни!!! (on-line ФГ, Омск, ~19, помощь бездомным животным)

Чтобы не навредить человеку, а помочь действительно, нужно иметь какой-то запас энергии, чтобы ему отдать эту энергию. Психической энергии, чтобы поддержать его... Я человек чувствительный. Высокая чувствительность в этом плане, и нужно как-то с этим работать. Понимать, что в таких моментах нужно проявлять терпимость, спокойствие. (ДФГ, Екатеринбург, 27, ж, участница различных благотворительных акций)

Повышенный уровень психологической нагрузки связан еще и с тем, что работать приходится с непростыми группами: с детьми, стариками, больными, социально неадаптированными людьми. Адаптация к взаимодействию с ними часто требует специальных усилий, терпимости, вникания в особенности их образа жизни и психологии.

Сначала сильный психологический барьер был с самими детьми, потому что подходила к ним: ребяташки, ну давайте, что вы хотите? Мы сейчас что-то купим... Ну, первый раз – просто пробный. Пришли, они говорят: «Дай денежку!» Ну, я без задней мысли открыла кошелек, дала. Смотрю – он к ларьку побежал, ему сигареты

продали. У меня такой был взрыв эмоциональный. Взрослые люди, которые торгуют сигаретами, они не понимают, что детям нельзя продавать! (ДФГ, Нижний Новгород, 46, ж, инициативная группа помощи беспризорным детям)

Вот, допустим, помощь пенсионеркам, инвалидкам в части решения вопросов каких-то в собесе. Они мне не верят, что я сделала всё правильно: что я ходила туда, отнесла вот этой, договорилась с такой, отнесла начальнику, начальник дал визу, ты-ты-ты, всё, я всё доложила – а вопрос-то не решен. А никто не хочет вопрос решать. И когда человеку это говоришь, получается, что я сделала все не так: «Вот Петр Петрович десять лет назад инвалидную коляску получил!» (ДФГ, Москва, 56, ж, наблюдатель на выборах)

При всем многообразии эмоциональных реакций, о которых говорили респонденты, они имеют некоторые общие основания. Можно выделить три наиболее распространенные причины таких переживаний, которые интерпретируются опрошенными как проблемы и потенциально могут привести к отказу от добровольческой деятельности.

Непонимание, неблагодарность со стороны подопечных

«Непонимание» – то слово, которое чаще всего употребляли респонденты, рассуждая о трудностях в выстраивании взаимоотношений с теми, кому они помогают. При этом лишь в отдельных случаях имелись в виду проблемы, связанные с интеллектом.

Я, например, сталкиваюсь с незрелостью людей, я бы так сказал... С некоторыми просто тяжело разговаривать. Есть такие люди, с которыми просто тяжело разговаривать... Вот я сейчас занимаюсь акцией «За хорошие дороги», подписи собираю, а потом я буду собирать «За удаление дураков». Шучу, конечно. (ДФГ, Волгоград, 60, м, участник выборов компаний, борец за качество дорог)

В большинстве случаев как «непонимание» определялись проблемы взаимодействия, выражающиеся в неадекватной, по мнению добровольцев, реакции получателей помощи на действия волонтеров. Чаще всего речь шла об апатии, неготовности к сотрудничеству, незаинтересованности в помощи.

Если люди больны диабетом, то их зачастую психологически очень сложно убедить, что они такие же, как все. Взять палатки... Мы летом выезжаем группой с палатками на берег. Они говорят: «Ой, как я?! У меня тут болит и тут болит – как я вообще пешком пойду?» Убеждение людей в том, что они больные, настолько уже в подкорке отложилось, что они себя считают на сто процентов больными и уже во всем отказывают себе. (ДФГ, Екатеринбург, 28, активист общества инвалидов)

Иногда сами руководители учреждений [детских домов] не идут на контакт, и нам приходится объяснять, что именно лучше провести эту акцию, а не какую-то другую. Если честно, иногда зарубают на корню. (on-line ФГ, 24, ж, координатор социальных проектов, волонтер детского дома, помогает сообществу бывших наркоманов)

Особенно остро воспринимают подобные проблемы волонтеры, занятые благоустройством мест проживания. Это связано с тем, что их деятельность направлена не на уязвимые группы, а на соседей, – людей, не менее дееспособных и заинтересованных в результатах их труда, чем они сами.

Работа с людьми – это сплошные сложности. Сегодня один не хочет че-то там, куда-то деньги сдавать – все остальные согласны. Завтра другой почему-то не захотел на другое что-то такое делать, послезавтра – третий. И так вот оно по кругу идет: у кого какое настроение, кто, как, чего. Приходится все время как-то разговаривать и убеждать. Поэтому это работа с людьми – это сплошные сложности. (ДФГ, Ростов-на-Дону, 53, м, старшая по подъезду)

У меня руки опускались, потому что понимаешь, что никому ничего не нужно. (ДФГ, Новосибирск, 35, ж, активист по месту жительства)

Очень часто требуется помощь окружающих, но далеко не каждый хочет что-либо сделать, даже то, что в его силах. Это больше всего и возмущает! Никто ничего ни от кого не требует. Но как можно спокойно ходить по улицам родного города и разбрасывать в разные стороны бумажки, пустую тару и прочий мусор??? (on-line ФГ, Самара, 23, ж, интервьюер в соцопросах)

Нежелание понимать у общества. Здоровый мужик с высшим образованием курит, и потом эту пачку бросает вниз. Чай пьет – бросает. Я говорю: «Ты умный, кандидат технических наук, родился в Ленинграде. Не папуас. Зачем так делаешь? Россия и так вся в

дерьме». А он говорит: «Ладно, виноват». Он не спорит, выходит, подбирает. Я говорю: «Зачем ты мусоришь? И так все загажено». Не хотят понимать то, что нельзя гадить там, где ты живешь. (ДФГ, Санкт-Петербург, 50, м, активист землячества)

Как видно из цитат, в некоторых случаях слово «непонимание» использовалось респондентами в качестве эвфемизма неблагодарности. Впрямую о неблагодарности реципиентов упоминалось крайне редко. Реакция волонтеров в таких случаях бывает неоднозначной. Кто-то всерьез обижается, а кто-то говорит, что это в порядке вещей.

У меня мальчик сидит один в тюрьме – и знаете, что мне обидно было? Собрала посылку, на свои деньги купила, 2500 рублей заплатила за эту посылку. Я ему ее отослала, и он мне оттуда звонит и говорит, что не того цвета ему белье купила. Мне было очень обидно. Я подумала, что вот свои последние копейки отдаешь, покупаешь... Мне обидно было. Я с ним, наверное, месяц не общалась после этого. После того, как я сказала: «Ты понимаешь, что ты меня обидел своим пренебрежением?» – но он у меня попросил прощения, у меня куча SMSок от него. И вот 28-го он должен освободиться уже, сейчас документы уже помогаю делать, но во мне уже чего-то сидит, я прогоняю это! Ну, вот сейчас приедет – надо будет опять помогать. (Нижний Новгород, 44,ж, помощь беспризорным детям)

Переживания при столкновении со страданием, уходом людей из жизни

Те, кто работает с людьми, по-настоящему нуждающимися в помощи, испытывают переживания другого рода. Им зачастую трудно найти в себе силы в очередной раз встретиться со своими подопечными, увидеть их физические и моральные страдания. Так же тяжело бывает сталкиваться с уходом людей из жизни.

Во время того же проекта «Елка желаний» мы объезжали неблагополучные семьи, с дедами Морозами и Снегурочками, дарили подарки. Я, по теории, должен был подниматься тоже в каждую квартиру в качестве независимого человека: пофотографировать, посмотреть, послушать, оценить работу собственно актеров. Я не поднялся ни в одну квартиру. Потому что боялся увидеть там пьяных родителей и замученных детей. (ДФГ, Екатеринбург, 25, м, активист добровольческого движения)

С 2004 года у нас были за правлением союза закреплены 12 ветеранов войны, когда мы носили денежные подарки. Когда вот мы в 2004 году делали это, я вспоминаю, они были на ногах. И сейчас их осталось три человека из этой дивизии нашей добровольческой. Понимаю, что... Вот в этом сложность – переживаешь за этих людей. Уходят люди. (ДФГ, Екатеринбург, 50, в/о, активист ветеранской организации)

Работаю на добровольной основе в центре помощи детям с отклонениями в развитии. Трудно смотреть на них без сожаления и чувства жалости, зная, что ты не можешь вылечить их. (on-line ФГ, 18, м, центр лечебной педагогики)

Особенно тяжело видеть страдания людей (или животных) и понимать, что помочь им всем при всем желании невозможно.

Тяжело смириться с тем, что всех не спасешь!!! К нам часто попадают больные животные, к сожалению, не всех из них удается вылечить. Мы делаем все возможное, но некоторые все равно погибают – это тяжело! Первые полгода я рыдала над каждым, сейчас, конечно, не так эмоционально, но, наверное, это никогда не преодолеть. (on-line ФГ, Омск, ~ 19, помощь бездомным животным)

Ощущение безрезультатности усилий

Негативные переживания испытывают те волонтеры, кто не видит наглядного результата своей работы. Именно такого рода ситуации, по словам респондентов, иногда приводят к сомнениям в том, что эту деятельность стоит продолжать.

Когда какое-то действие не давало результата, что-то делали, и не получалось, хотелось руки опустить. Но сейчас такого уже нет. Переборол себя. (ДФГ, Казань, 28, м, гражданский активист)

<Тяжело>, когда не получается. Крайне редко удастся разрешить все вопросы, которые встают. Мы очень много работаем над продвижением идей, чтобы это все поменялось, новые технологии появлялись. Когда ты бьешься, чтобы что-то оставить, что-то поменять... сил не хватает, хочется все бросить. (ДФГ, Казань, 42, ж, женский кризисный центр)

Недостаток времени, конкуренция добровольчества и других сфер жизни

Еще один блок проблем, с которыми сталкиваются волонтеры на индивидуальном уровне, носит вполне житейский характер. Некоторые участники исследования признавались: в какой-то момент они начали замечать, что добровольчество занимает слишком много места в их жизни, иногда буквально переходя в круглосуточный режим.

На самом деле очень большая нагрузка, особенно когда готовишься к мероприятию, которое будет сегодня-завтра. С утра до самой ночи там сценарии, потом всем звонишь, всех собираешь, кто-то не может, приходится искать замену... (ДФГ, Самара, 24, м, центр социальных проектов)

Три часа ночи, тихо, спокойно, спишь, никого не трогаешь. Вдруг стук в дверь: «Надо помочь!» Господи! Да еще и в три часа ночи! То наряд вызвать, то еще кого-нибудь утихомирить... (ДФГ, Ростов-на-Дону, 34, м, член ДНД, ДПД)

Главной проблемой в этой ситуации является не усталость, а необходимость сочетать волонтерскую активность с другими сферами жизни – личной и профессиональной.

Тяжело было состыковывать свои личные дела и волонтерскую деятельность. Потому что на тебя надеются, просят сделать то-то, то-то. Ты сначала соглашаешься, а потом понимаешь, что ты тогда свои дела сделать не успеешь. В общем, некоторые дела на благо других в ущерб себе. (ДФГ, Екатеринбург, 25, м, активист добровольческого движения)

Те, для кого это актуально, строго разделились на две группы: на тех, кого заботит, что страдает работа (или учеба), и тех, кому жертвовать приходится семейными делами.

В целом вопрос с работой выглядит легче разрешимым. Число респондентов, для которых такая конкуренция актуальна, сравнительно невелико, только в одной фокус-группе (в Екатеринбурге) возник обмен репликами на эту тему.

Сейчас вот надо готовить Ночь музеев, и при этом у меня сезон по работе, и нужно что-то. И нужно зарабатывать деньги и... Как это все успеть, особенно если аврал идет и все это сходится в одной

точке?! (ДФГ, Екатеринбург, 40, ж, активист общественного движения в сфере культуры)

Получается иногда, что времени очень много рабочего занято. Надо пойти пообщаться, к примеру, или подойти к какому-то празднику. А работу сделаешь потом, ночью, к примеру. (ДФГ, Екатеринбург, 50, м, член общественной ветеранской организации)

Решается такая коллизия по-разному: одни отдают предпочтение работе, другие – волонтерским проектам, а некоторые ищут возможности продуктивно сочетать и то, и другое.

Вот почему-то многие думают, что благотворительность – это в ущерб своему времени. Для меня лично было, что у меня была работа в ущерб моему личному времени, а благотворительность – это, наоборот, то, чем я люблю заниматься. И я ушла с работы, потому что она мне не доставляет такого удовольствия, допустим, как помощь людям. Это на самом деле так. И я подумала, что я могу заниматься той же самой работой тогда, когда захочу. И я начала работать на дому в то время, когда... Ну то есть я нашла выход для себя. (ДФГ, Екатеринбург, 27, ж, участница различных благотворительных акций)

У меня нет абсолютно какого-то морального барьера. У меня, конечно, на первом месте в жизни работа, однозначно. Я тоже люблю помогать людям, но не в ущерб своей личной жизни. (ДФГ, Екатеринбург, 25, м, координатор международного кинофестиваля, организатор благотворительных аукционов)

Конкуренция добровольчества и семейных ценностей встречается чаще, она волнует респондентов из разных городов и воспринимается несколько более болезненно. Было упомянуто два вида этой проблемы. Некоторые респонденты подчеркивали, что их самих не устраивает возникшая ситуация: либо им не хватает общения с семьей, либо чувство долга не позволяет пренебрегать ее интересами.

Я даже у психолога была. Своя семья и все ушло на второй план, когда каждый день живешь их проблемами. Это тяжело. Было, руки опускались. (ДФГ, Нижний Новгород, 44, ж, помощь беспризорным детям)

<От> какого-то конкретного вида деятельности по ряду причин отказываемся: время, семейные обязательства. Но от деятельности совсем, как правило, человек не отказывается, так как это был

взвешенный сознательный выбор. (ДФГ, Омск, 31, м, организатор ролевых игр)

Для других проблема носит скорее внешний характер. Из их высказываний следует, что если бы не недовольство членов семьи, то и проблемы бы никакой не было.

<Приходится сталкиваться> преимущественно с моей мамой. На самом деле, против категорически! Она не воспринимает эту мою деятельность, не знаю почему. Ей важно, что я должен получить высшее образование, учиться и учиться. У меня с учебной проблема была. Она бывает, вроде бы, и рада за меня, что я помог животным, и она тоже (я ее привлекаю: отвезти с работы на машине, привезет там что-нибудь). Но все равно, бывает, начнем ругаться... (ДФГ, Омск, 18, м, защита прав животных)

Помимо неблагодарности, с которой иногда я сталкиваюсь в своей сфере ЖКХ, также хотел бы выделить непростое отношение к добровольчеству со стороны родственников, в частности жены, когда вечером, придя домой, оказывается, что еще необходимо выполнить какую-нибудь работу по дому (ЖКХ), супруга начинает ворчать, не отпускает меня, иногда даже можем поссориться, она меня давно призывает бросить пост председателя ЖК и уделять больше времени семье. Но она меня любит таким, какой я есть, и мы быстро миримся. (on-line ФГ, м, председатель жилищного кооператива)

Социально-психологическая атмосфера в обществе

В целом среди участников групповых дискуссий сторонников мнения, что развитию добровольчества препятствует прежде всего неблагоприятный социально-психологический климат в стране, значительно больше, чем тех, кто называет другие причины.

На социально-психологические барьеры развития добровольчества обращали внимание представители разных городов, разных групп активистов. В силу возрастных, образовательных, мировоззренческих различий респонденты пользовались разной терминологией. Кто-то говорил об утрате «нравственных устоев», кто-то — об отсутствии «религиозного», «духовного воспитания», кто-то с ностальгией вспоминал о «социалистической идеологии» и т. д. Но в целом суть подобных высказываний сводилась к следующему: в системе ценностных ориентаций, сформировавшейся в современ-

ном российском обществе, такие элементы, как помогающее поведение, бескорыстный труд, направленный на улучшение социальной среды, жизнь и здоровье людей, далеки от приоритетных позиций.

В частности, участники исследования отмечали следующие присущие современному российскому обществу тенденции, которые, по их мнению, плохо сочетаются с благотворительностью и волонтерством.

а) Распространенность корыстных мотивов любых действий, «зацикленность на материальных благах».

Люди зациклены на материальных благах – что нужно больше зарабатывать. В голове у самого населения больше ничего нет. Когда дело касается нематериальных ценностей, то все говорят: «Как так? Надо зарабатывать». Прозомбированы все. (ДФГ, Казань, 28, м, член общественной организации «Казанский гражданский союз»)

Мне кажется, сейчас очень много стало таких людей... которых, кроме своего дома, ничего не интересует. Не знаю. Может, их интересует только материальное благополучие. Цель жизни – чтобы была машина, ремонт они затеяли. И ощущение, что мир снаружи для них не существует. Не знаю... если таких большинство, то я делаю вывод, что со мной что-то не так. Значит, я, наверное, сумасшедший» (ДФГ, Санкт-Петербург, 43, м, волонтер благотворительного фонда по восстановлению карельских деревень)

б) Агрессия, «озлобленность» людей.

Мои соратники организовали такую акцию «Тротуар – пешеходам». Рязанка, Москва, район жилой, пробка – и люди, которые считают себя выше других, гоняют по тротуару, сбивают коляски детские, сбивают людей – им так проще. А когда граждане пытаются с этим бороться, вот эти вот «индивиды», которые считают, что им позволено, они, конечно, злятся. Они, конечно, не понимают, что это такое: всегда можно было, а тут нельзя. «Это же я, мне же надо!» (ДФГ, Москва, 29, м, член общества «Синие ведерки», правозащитных интернет-сообществ)

в) Социальная апатия, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям.

Какая первая фраза американца, когда ущемляют его права? «Я гражданин этого государства, я плачу налоги! Почему вы меня

оскорбляете? Это моя частная собственность. Я за нее отвечаю». Что у нас происходит? Мы себя гражданами не ощущаем, по большому счету, поэтому нам на все, по большому счету, плевать. (ДФГ, Ростов-на-Дону, 34, м, член ДНД, ДПД)

Трудности – когда люди живут только для себя и не хотят ничего ни слышать, ни понимать. Живут только для себя, по принципу «мне хорошо – и ладно, и больше ничего не надо», и не хотят оглянуться вокруг и кому-то помочь. Это относится и к нашим чиновникам разного уровня, и к обывателям. Наша страна просто погрязла уже в этой обывательщине, людям стало все безразлично, могут пройти мимо чужой беды – и даже не заметить! (on-line ФГ, Самара, 45, ж, волонтер проекта «Книжный фри маркет»)

г) Отсутствие нравственных ориентиров, общепринятых представлений о добре и зле.

Раньше, при Советском союзе, была идеология прежде всего. Сейчас в стране нет... Идеология много чего давала. Человек знал откуда правила: что такое хорошо, что такое плохо. Привито с детства все. А сейчас – все средства хороши. (ДФГ, Ростов-на-Дону, 50, м, модератор сайта)

д) «Потребительские настроения», особенно характерные для поколения, сформировавшегося в так называемые перестроечные годы.

Озлобленность людей, потребительские настроения в обществе. Молодежь фактически потеряна и воспитывается на потребительстве. Последние 20 лет – это потерянное поколение, потребители будущего. Их надо воспитывать в духовности, а их воспитывают на потребительстве, и на разврате, и на пошлости. (ДФГ, Москва, 37, м, защита прав заключенных)

В целом суждения о социально-психологической атмосфере в обществе звучали довольно пессимистично. Когда кто-то в группе касался проблем такого рода, дискуссий даже и не возникало, собеседники лишь подтверждали сказанное и добавляли новые аргументы. Вот характерный фрагмент из группового обсуждения в Нижнем Новгороде.

У меня чисто психологические проблемы. Потому что я не могу никак понять, куда вообще, куда катится наше государство!? Куда?.. Почему у нас столько беспризорников? Почему у нас столько бомжей на улицах? Почему? Мне повезло, я при социализме жила. Пу-

скай там было тяжело, у нас колбасы не было в магазинах, но у нас было очень много детдомов, у нас было много домов престарелых – почему у нас так сейчас? Куда у нас все это делось? (46, ж, участник инициативной группы помощи беспризорным детям)

Потому что нету религиозно-нравственного воспитания. (40, ж, участник инициативной группы по сбору вещей и средств для нуждающихся)

Это все понятно, но если мы так будем каждый рукой на все это махать, то... Просто есть такая негласная мудрость, что государство определяется по его отношению к старикам и детям. И это ведь правда. (46, ж, участник инициативной группы помощи беспризорным детям)

Помимо озабоченности состоянием социально-психологической атмосферы в обществе, в этом фрагменте есть и другие мотивы, повторяющиеся в разных фокус-группах. Это прежде всего патерналистский мотив и явственная нота безысходности, когда речь заходит о том, как можно переломить сложившиеся тенденции.

Перелом, по мнению респондентов, может произойти очень не скоро, счет здесь идет не меньше чем на поколения. И единственное, с чем связывают надежды на перемены, – это просвещение.

В краткосрочной перспективе <развитие добровольчества невозможно>. Только в долгосрочной, когда какие-то коренные проблемы будут решены. Когда образование изменится, люди, естественно, будут более образованными. Явно люди, которые будут получать образование, – из них получится тот человек, который будет заниматься благотворительностью. (ДФГ, Волгоград, 21, м, участник монархической группы в соцсети)

Что касается патерналистских настроений, то они, как следует из анализа дискуссий, только усугубляют чувство безысходности. Респонденты неоднократно отмечали, что существующая нравственная атмосфера в стране формировалась не без участия власти, правительства. При упоминаниях о политике, силовых органах, судах, других институтах, связанных с государством, звучат такие слова, как «ложь», «грязь», «обман», «недоверие», «отвращение». И обращены они не к чиновникам и местному начальству, а связаны с недоверием (на дальней дистанции) к властям, которые отвечают за формирование ценностных ориентиров в масштабах страны. Эта

позиция чаще артикулируется в Москве и Петербурге, но звучит она и в других городах, и отнюдь не только от гражданских активистов.

Я знаю, у нас не все хорошо из-за текущего правительства. И никто не сделает, кроме самих людей, какого-то добра, какой-то помощи и так далее, потому что власть о людях не думает. Соответственно, надо начинать самим думать о себе. Если у человека есть деньги, есть минутка свободная, то нужно организовываться и помогать людям. (ДФГ, Самара, 21, м, организатор студенческих субботников)

Сейчас у нас руководство... И дальше обман. Молодежь, которая выросла за этот период, с 90-х годов, – она желает так жить: «Я плачу денег, а вы...» Люди не доверяют этой структуре, самому устою. От государства идет это все. (ДФГ, Ростов-на-Дону, 31, ж, старшая по подъезду)

Так, принявшие участие в групповых дискуссиях и углубленных интервью активисты видят опосредованную роль государства в возникновении барьеров, мешающих развитию добровольчества. Именно на власть они возлагают значительную долю ответственности за сформированный в стране гражданский климат, не стимулирующий людей ни к взаимопомощи, ни к деятельности, не несущей прямой финансовой выгоды, ни вообще к какой-либо социальной активности.

Гражданский климат и гражданское поведение

В целом, по результатам групповых дискуссий, углубленных интервью, а также массовых опросов можно сделать вывод, что рост гражданского участия связан с преодолением системного кризиса доверия в российском обществе.

На ближней социальной дистанции люди склонны доверять и помогать друг другу. Однако немногие россияне доверяют государственным структурам. Не испытывают они доверия и к общественным некоммерческим организациям, видимо, подсознательно отождествляя их с государством.

Не велико доверие и к большинству окружающих незнакомых людей. Неслучайно наибольший процент респондентов среди вовлеченных в добровольческую деятельность занимается ею преимущественно самостоятельно, в одиночку. Благотворительные денежные пожертвования россияне предпочитают делать максимально адресно. В этом кризисе доверия, наблюдаемом прежде всего на социальном и институциональном уровнях (на длинной дистанции), и состоит, как нам видится, основное препятствие на пути развития гражданского общества в нашей стране.

В предположении, что доверие является нормой поведения представителей авангардных групп, мы сравнили уровень доверия среди респондентов, включенных в активистские практики, с его уровнем среди всех опрошенных. Выяснилось, что представители крупных городов, включенные в среду гражданских активистов, демонстрируют заметно более высокий уровень как межличностного, так и социального доверия. Считают, что большинству людей можно доверять, 32% респондентов, включенных в среду активистов (есть знакомые среди гражданских активистов), и только 19% тех, у кого нет таких знакомых. Полагают, что людям из ближнего окружения можно доверять, 74% первых и 61% вторых.

Те из респондентов, кто допускает для себя возможность участия в деятельности общественных организаций в будущем, тоже про-

являют более высокий уровень как межличностного, так и социального доверия. Считают, что большинству людей можно доверять, 30% из них. Среди тех, кто исключает для себя такую возможность, этой точки зрения придерживаются только 20%. Людям из ближнего окружения склонны доверять 73% первых и 59% вторых.

Опыт участия в акциях протеста также повышает степень доверия к окружающим. Считают, что большинству людей можно доверять, 32% тех, у кого есть такой опыт, и 24% тех, у кого такого опыта нет. Людям из своего окружения доверяют 76% тех, у кого есть опыт участия в протестной активности и 65% тех, у кого нет такого опыта.

Тем самым мы эмпирически убедились, что и для российского социума верен вывод зарубежных исследователей: именно социальное доверие «порождает» социальный капитал, который определяет практики гражданского взаимодействия на любой из социальных дистанций – от ближнего окружения индивида до общественных организаций.

Социально одобряемые представления членов сообщества, социальной группы, территориальной общности о доверии людям вообще и о доверии близкому окружению, а также вербально выраженная готовность объединяться с другими людьми, если интересы совпадают, мы использовали как исходные переменные для расчета индекса *гражданского климата* данного сообщества, социальной группы, территориальной общности. Этот индекс рассчитывается по ответам представителей той или иной социальной группы на три вопроса:

- *Как Вы считаете большинству людей можно доверять, или в отношениях с людьми следует быть осторожными?* (доверие **социальное**).
- *А если говорить о людях, которые окружают лично Вас, то большинству из них можно доверять, или в отношениях с ними следует быть осторожными?* (доверие **межличностное**).
- *Есть люди, готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться с другими, даже, если их идеи и интересы совпадают. К кому Вы отнесли бы себя – к первым или ко вторым?* (**готовность к совместным действиям**).

По результатам массового опроса нами были реконструированы 5 социальных зон (подмножеств, групп респондентов) с различным гражданским климатом.

1. 15% – зона *гражданского* мировоззрения: все ее представители отвечают, что большинству людей можно доверять (100%), большинству людей их окружения можно доверять (100%), и все они готовы объединяться с другими для совместных действий (100%).
2. 25% – зона *протогражданского* мировоззрения: нет ответов, что большинству людей можно доверять (0%), но все респонденты этой зоны согласны с тем, что большинству людей их окружения можно доверять (100%), и все они готовы объединяться для совместных действий (100%).
3. 12% – зона *партикулярного* мировоззрения: нет ответов, что большинству людей можно доверять (0%), и ответов, что большинству людей их окружения можно доверять (0%), но все респонденты утверждают, что готовы объединяться для совместных действий (100%).
4. 25% – зона *патерналистского* мировоззрения: люди отвечают, что большинству людей можно доверять (32%), большинству людей их окружения можно доверять (100%), но ни один не готов объединяться с другими для совместных действий (0%).
5. 21% – зона *депривации*: большинству людей можно доверять (0%), большинству людей моего окружения можно доверять (0%), готов объединяться для совместных действий (0%).

Каждая из этих пяти социальных зон отличается значением индекса гражданского климата: *гражданская* зона – 100, *протогражданская* зона – 60, *партикулярная* зона – 20, *патерналистская* зона – 53, зона *депривации* – 0. Среднее значение индекса гражданского климата – 47. Обратим внимание, что значение индекса гражданского климата в протогражданской зоне выше, чем в патерналистской, в которой, в свою очередь, выше, чем в партикулярной. Этот результат вселяет определенный оптимизм.

Зоны с разным гражданским климатом различаются по социально-демографическому составу. Респонденты, обладающие больши-

ми социальными ресурсами (сравнительно более молодые, образованные, жители больших городов) чаще «оказываются» в гражданской и протогражданской зонах.

Респонденты, мировоззрение которых соответствует различным зонам гражданского климата, по-разному отвечали на вопросы о включенности в деятельность инициативных групп, организаций, объединений – как в прошлом, так и в настоящем и в будущем. Они в разной степени включены в среду активистов (осведомленность о деятельности активистов в своем городе, отношение к активистам, знакомство с ними).

Представители гражданской и протогражданской зон чаще, чем прочие, участвуют в деятельности инициативных групп, организаций или объединений; допускают для себя и в будущем возможность участия в деятельности инициативной группы, организации или объединения. Они чаще осведомлены о деятельности гражданских активистов в своём городе и лично знакомы с ними.

По результатам массового опроса был рассчитан еще один индекс – *гражданского поведения*. Он измеряет установку респондентов на гражданские действия: готовность организовывать массовые гражданские действия и / или готовность в них участвовать, и / или пожертвовать деньги для их организации²³.

В качестве индикаторов (измерителей) готовности респондентов к участию в гражданских акциях были использованы ответы на три проективных вопроса, содержащих краткие описания ситуаций:

- сбор средств для пострадавших от стихийного бедствия;
- уборка территории близлежащего лесопарка;
- участие в акции протеста против фальсификации результатов голосования.

Вариантами ответов были описания возможных действий респондента (организовать такую акцию, принять в ней участие, пожертвовать деньги) либо отказ от любого участия.

Рассмотрим реакции респондентов на каждую из предлагавшихся ситуаций.

Первой ситуацией было чрезвычайное происшествие и предложение провести сбор средств для пострадавших. Чаще всего горожане готовы пожертвовать деньги в помощь пострадавшим (43%). На втором месте – участие в проведении сбора средств для пострадавших (37%). Представители гражданской зоны чаще других готовы

²³ Этот вывод неоднократно подтвержден и результатами общенациональных опросов ФОМ.

участвовать в акции – как в качестве лидера (29%), так и в качестве участника (46%). Пожертвовать деньги чаще готовы представители патерналистской зоны (49%). Представители зоны депривации чаще не готовы участвовать ни в какой форме (20%).

Вторая ситуация – предложение соседей по месту жительства / дачному кооперативу / садовому товариществу совместно очистить соседнюю лесопарковую зону от мусора. Эта ситуация, по-видимому, чаще других встречается в обыденной практике. Поэтому здесь, наряду с общей закономерностью (самая высокая активность в гражданской зоне (67%) и самая низкая (30%) – в зоне депривации) зафиксирована несколько большая, чем в других ситуациях, активность в протогражданской зоне (58%).

Третья ситуация – о призыве провести акцию протеста против фальсификации результатов выборов. Здесь отмечен самый низкий уровень гражданской активности. Представители гражданской (16%), протогражданской (15%) и партикулярной (16%) зон примерно в равной степени (хотя и заметно реже, чем в двух других случаях) готовы принять участие в подобной акции.

Были рассчитаны значения индекса гражданского поведения²⁴ для всех опрошенных и для каждой из пяти зон гражданского климата. Выяснилось, что установка на гражданское поведение слабеет при переходе от гражданской зоны к зоне депривации (гражданская зона – 28; протогражданская зона – 25; партикулярная зона – 22; патерналистская зона – 18; зона депривации – 13, в среднем – 21).

С помощью индексов гражданского климата и гражданского поведения можно диагностировать величину «добровольческого потенциала» различных социальных групп.

На *рисунке 1* в двухмерном пространстве расположены социальные группы жителей крупных российских региональных центров с различными установками на добровольческую деятельность. В качестве осей координат рассматриваемого пространства взяты значения индексов *гражданского климата* (вертикальная ось) и *гражданского поведения* (ось горизонтальная).

Очевидно, что сегодня авангард российского гражданского движения состоит из двух социальных групп, которые отличаются высокими значениями индексов *гражданского климата* (а значит, и **социального капитала**) и *гражданского поведения* (а значит, и **мобилизованности на активные действия**). Это те, кто включен

²⁴ Не исключено, что отчасти это недоверие объясняется неясностью, непонятностью самого названия «некоммерческая организация».



Рис.1. Группы респондентов в осях индексов гражданского климата и поведения

в деятельность двух и более общественных организаций и имеет опыт участия в протестных акциях (11% опрошенных). Второй эшелон российского гражданского движения – среда, из которой рекрутируются представители первого эшелона: это ближний круг (друзья и знакомые) первого эшелона и активисты, которые уже сегодня включились в добровольческую деятельность. К этим группам «приближаются» так называемые состоятельные люди, чье материальное положение выше, чем у опрошенных в целом.

Анализ данных позволяет предположить, что есть функциональная зависимость между гражданским климатом и гражданским поведением. Чем выше социальный (витальный, культурный) капитал группы, тем благоприятнее в ней гражданский климат и тем отчетливее проявляется у ее представителей установка на гражданское поведение.

Полученные результаты позволяют, с одной стороны, прогнозировать улучшение гражданского климата, а с другой – рост (правда, разными темпами и на различных социальных базах) как добровольческого, так и протестного движений по мере роста благосостояния населения и смены поколений.

Вместо заключения: особенности российского добровольческого движения

Подытоживая результаты нашего исследования, кратко перечислим особенности российского добровольчества.

1. Социальный контекст российского добровольчества описывается следующими характеристиками.
 - Межличностное доверие, которое является не единственным, но важным условием развития добровольчества, среди россиян распространено значительно шире доверия социального. Это, впрочем, общечеловеческий феномен, подмеченный ещё Мертоном, но в России разрыв значительнее, чем в других постсоциалистических странах. Однако в последние годы фиксируется постепенный, хотя и очень незначительный, рост институционального доверия.
 - Чем выше «социальный (витальный, культурный) капитал» группы, тем благоприятнее в ней «гражданский климат» и тем отчетливее проявляется у ее представителей установка на гражданское поведение вообще и на добровольческую деятельность в частности.
 - При совпадении идей и интересов больше половины россиян декларируют готовность объединяться для совместных действий.
 - Важная для развития добровольчества характеристика социального контекста – это масштабы и формы помогающего поведения в социуме. Однако здесь, как и во многих других сферах жизни, самооценки россиян сильно занижены: мы думаем о себе хуже, чем мы есть на самом деле.

- Среди жителей крупных городов России помогающее поведение распространено довольно широко, однако существует негативная стереотипная оценка его масштабов. Эти практики распространяются главным образом на ближайшее окружение: родственников и друзей. Социально активные люди чаще включены в практики помогающего поведения.
- Доверие связано с информированностью. Чем больше люди знают о том или ином институте (общественном или государственном), тем больше они ему доверяют.

Перечисленные характеристики социального контекста позволяют утверждать, что в российском обществе есть некоторые условия для развития добровольчества, но они ещё не развиты. Их следует формировать путём: а) укрепления институционального доверия – это будет возможным, если органы власти всех уровней будут в своей деятельности определять конкретные группы, на которые ориентированы их проекты; б) роста материального благосостояния россиян, уменьшения разрыва между бедными и богатыми; в) пропагандистских усилий, формирующих в обществе атмосферу взаимопомощи (поиск и тиражирование соответствующих образцов); г) популяризации в разных формах знаний о том, как работают государственные и общественные институты и куда люди могут обращаться в трудных ситуациях; д) стимулирования разных форм гражданских объединений.

2. Участники добровольческой деятельности – это статистически значимо чаще люди молодые, состоятельные, образованные. Респонденты, участвующие в деятельности общественных организаций, существенно более инициативны, амбициозны (ориентированы на карьерный рост), социально активны (например, интересуются политикой, наличием активистских движений в своем городе), чем те, кто не вовлечен в добровольческое движение. Группа добровольцев более дружелюбно, позитивно настроена по отношению к окружающим, чем респонденты, не причастные к общественно значимой деятельности.

Перечисленные характеристики позволяют иметь в виду адресатов инициатив, возникающих во власти, в среде интеллектуалов – экспертов, в общественной палате. В частности,

это значит, что не будут восприняты идеи, основанные на негативных стереотипах россиян и российского общества в целом; с большим интересом будут восприниматься идеи, ориентированные на экспликацию конкретных алгоритмов решения социальных проблем, в которые включены добровольцы; с большим интересом будет приниматься информация о социальных лифтах (в широком смысле) для людей, так или иначе участвующих в добровольческой деятельности.

3. Мы выделили пять типов общественных организаций, в той или иной мере использующих труд добровольцев.

- *Общества по интересам.* Это культурные, просветительские, научные, досуговые, спортивные организации или инициативные группы.
- *Общества помощи, самопомощи.* Это группы самопомощи (наркоманы, алкоголики) и помощи слабым.
- *Организации местного самоуправления.* Это общественные структуры, которые занимаются защитой интересов жителей, и местные сообщества, решающие свои проблемы, связанные с благоустройством и коллективной ответственностью.
- *Профсоюзы или творческие объединения профессионалов.* Это объединения, которые выражают интересы представителей какой-либо профессии или оказывают помощь перспективным группам.
- *Общества защиты гражданских прав.* Это организации, которые защищают гражданские права различных групп населения, и молодежные организации.

Данная типология, на наш взгляд, будет интересна и самим общественным организациям, и государственным структурам. В частности, тот факт, что общества самоуправления выглядят довольно массовыми, но немногие хотят работать в них, свидетельствует о вынужденности такой активности.

Заметим, что исследование не выявило связи между типами общественных организаций и особенностями работы с добровольцами. Специфика работы с ними в первую очередь зависит

от степени потребности в добровольных помощниках, от специфики отношения к ним, а также от осознания необходимости выделять работу с добровольцами в качестве самостоятельного направления деятельности.

Эта типология может предложить обсуждение практически важных тем. В частности, на наш взгляд, предметом дискуссий должны стать следующие вопросы:

- Какие некоммерческие организации следует причислять к таким, которые занимаются общественно значимыми проблемами? И как очертить круг этих проблем?
 - Следует ли выделять НКО, находящиеся на преимущественно бюджетном финансировании, в отдельную группу? Можно ли их сравнивать по различным параметрам и результатам деятельности с другими НКО? И можно ли ставить в один ряд организацию, живущую на членские взносы, и организацию, занимающуюся фандрайзингом?
 - Можно ли причислять политические объединения к общественным организациям? И нужно ли это делать, поскольку методы работы – в том числе и с добровольцами – у них принципиально различаются.
 - Каков сейчас статус виртуальных сообществ и вектор их развития?
4. Мы выделили организованные и неорганизованные (иногда говорят «системные» и «несистемные») формы добровольчества.

Первые – это те, что существуют в рамках официально зарегистрированных организаций и проектов властей, имеют разветвленные сети поддержки в виде добровольческих центров. Вторые – это инициативные группы, зарегистрированные или нет, которые занимаются решением практических проблем в тех сегментах жизни, до которых «не доходят руки» у властей. Как показывают наши данные, сферы деятельности этих двух типов организаций не пересекаются; мотивы деятельности, социально-демографические и социально-психологические характеристики тоже различны. Но их взаимодействие могло бы взаимно обогатить эти две ветви добровольчества; аккумулировать ресурсы. Наши данные показывают, что пересечение

этих двух ветвей волонтерства возможно в делах, связанных с помощью слабым.

5. Мы анализировали добровольчество не как объект управленческих воздействий – процесс, который нужно «развивать», стимулировать, направлять и пр., – а с точки зрения поиска субъектов социального действия. Участники исследования, анализируя те или иные аспекты добровольчества, отвечали на вопросы: какие люди и группы задают те или иные направления развития в многообразном и сложном феномене добровольчества; что способствует развитию их деятельности и что ей препятствует. Если обобщить отдельные выводы и наблюдения нашего исследования, можно утверждать, что сегодня в России добровольчество формируется как социальный институт, и мы, похоже, зафиксировали начальную стадию его формирования. Создаются новые практики добровольчества и правила, на основе которых начинают работать эти практики.

Социально-психологической и политической базой развития добровольчества является мощный запрос наиболее активной части населения на институционализацию отношений в обществе, и в частности – на легитимацию и прозрачность взаимодействия между обществом и властью. При этом, если судить по высказываниям активистов, нарушителями норм чаще всего становятся представители властей. Этот конфликт, похоже, усугубляется по мере преодоления аномии прежде всего в обществе, а не во власти. В описаниях активистов, участвовавших в дискуссиях, чиновники предстают не столько ленивыми недалекими людьми, сколько *реальной сплоченной группой, сильной и враждебно настроенной по отношению к гражданину*. Чиновники, монопольно распоряжающиеся властью, больше, чем любые другие монополисты, склонны получать ренту со своего монопольного положения. И временность этой ренты не облегчает, а усугубляет положение. Следовательно, реализация тех или иных гуманитарных целей, декларируемых активистами, неизбежно приводит к конфликту с властью и политизации этого конфликта, поскольку им приходится добиваться изменения системных, несправедливых, непрозрачных правил.

Встречаются упоминания случаев противодействия властей процессам самоорганизации граждан и в тех случаях, когда инициативные группы или общественные организации берут на себя решение серьезных социальных проблем территории,

помогая властям в решении этих проблем. Объяснения такому парадоксальному феномену видятся в том, что активисты делают работу представителей госструктур более эффективно и тем самым становятся их прямыми или косвенными конкурентами. Идеальный вариант для чиновников – если бы общественники делали нужную работу под контролем госструктур и сами при этом оставались в тени.

Кроме того, конфликты с представителями властей возникают и приобретают особо острый характер чаще всего либо когда добровольцы прямо включаются в политический процесс (контроль выборов), либо когда активисты, занимаясь своей общественной работой, начинают «попутно» выявлять случаи произвола и злоупотреблений (например, жестокое обращение с детьми в приютах; злоупотребления чиновников в той или иной сфере или крайняя неэффективность их деятельности).

Проблемы взаимодействия институтов гражданского общества с представителями властей можно решить посредством широкого общественного диалога, базой которого могли бы стать региональные общественные палаты. Поскольку, как правило, речь идет о разных интересах разных групп, а не о «некомпетентном» населении и «компетентных» властях, общественные палаты могли бы стать площадкой для артикуляции и согласования этих интересов. Угрозы в адрес «нарушителей порядка», на наш взгляд, имеют небольшие перспективы, поскольку способны провоцировать ответную агрессию.

Проблема неравноправности отношений представителей власти и объединений граждан может быть решена путем вменения в обязанность властям всех уровней включать общественников в процесс принятия и реализации управленческих решений (анализ информации, составление рекомендаций, контроль исполнения принятых решений).

6. Союзниками, помощниками общественных организаций, использующих труд добровольцев, являются СМИ и эксперты. Первые пропагандируют положительный опыт деятельности общественников, вторые помогают решать сложные проблемы, требующие специальных знаний (например, медицинских, педагогических, юридических). Материалы интервью с лидерами общественных организаций показывают, что наиболее активные не обделены вниманием первых и вторых, но нужна специ-

альная работа по налаживанию таких контактов и соответствующие навыки (например, навыки написания пресс-релизов об акциях общественников).

7. Есть внутренние проблемы развития добровольчества, трудности, с которыми сталкиваются активисты в своей деятельности. Анализ этих трудностей позволяет предложить идеи для развития добровольчества.
 - Несогласованность действий участников добровольческой деятельности. Площадкой для согласования интересов и действий могли бы стать общественные палаты. Консолидация усилий разных общественных организаций даже без дополнительных материальных ресурсов могла бы помочь решить много проблем. В частности, весьма перспективным могло бы стать включение профсоюзов во взаимодействие с общественниками.
 - Нерешенность вопросов о том, чем должны, а чем не должны заниматься добровольцы, и нужно ли им платить за работу, и какими должны быть стимулы добровольческого участия. Эти вопросы должны стать темой для дискуссий там, где власти стремятся, например, сэкономить деньги в сфере ЖКХ за счет бесплатного труда добровольцев на субботниках. У этой проблемы нет универсального решения, но поиск их путей может стать основой некоторого количества программ в региональных общественных палатах.
 - Отсутствие практик обучения волонтеров в тех сферах деятельности, где нужны специальные знания и навыки. Вероятно, здесь могли бы быть весьма полезными стажировки в наиболее успешных общественных организациях.
 - Серьезной является проблема разобщенности волонтерского движения; и хотя в ходе исследования мы выявили несколько примеров кооперации отдельных добровольческих групп, создания объединений, следует признать, что это скорее исключение, чем правило. Базой для преодоления разобщенности могли бы стать общественные палаты или добровольческие центры, но они не везде пользуются авторитетом общественников, поскольку воспринимаются

как структуры власти. Диалог здесь затруднён, поскольку общественники часто воспринимают друг друга как конкуренты, но возможен, если обсуждение будет строиться вокруг общих интересов и делегирования ответственности за решение частных задач в рамках общей проблемы.

- Скромность бюджетов большинства общественных организаций, невозможность развивать многие необходимые, на их взгляд, направления деятельности. Эта же проблема определяет другие материальные трудности: отсутствие помещений, оборудования, транспорта, средств связи, парка компьютеров и проч. Расширение практики выделения грантов из региональных и местных бюджетов за участие в решении проблем территории могли бы решить эту проблему, но здесь тоже важно четко определить приоритеты. Например, в каком случае гранты из местного бюджета могут быть выделены обществу охотников (вариант – уборка лесных угодий или участие в организации досуга детдомовцев).
- Трудности информационного обеспечения волонтерской деятельности. Это проблемы и популяризации добровольчества, и информационной открытости деятельности общественных организаций, использующих труд добровольцев, и ограниченные возможности для добровольцев пользоваться некоторыми базами данных, необходимыми для успеха их работы, особенно в тех сферах деятельности, которые связаны с инициативными проектами по месту жительства. Программы информационного обеспечения тоже могли бы стать одной из забот региональных общественных палат.
- Институт публичных слушаний там, где речь идет о развитии территорий, становится всё более популярным. Но часто инициаторы не знают, как правильно их организовать, и потому заинтересованные субъекты иногда манипулируют ими в своих целях. Было бы полезным обучить активистов правилам проведения публичных слушаний.
- Проблемы, связанные с отношением общества к добровольцам. Хотя в массовом опросе практически все участники

добровольческого движения сказали, что окружающие относятся к их деятельности одобрительно, но в материалах фокус-групп встречались упоминания и о критическом отношении: подчас добровольцев подозревают в наличии скрытого корыстного интереса, а то и в откровенном мошенничестве. Еще один источник угроз добровольчеству – излишняя бюрократизация движения, которая напоминает о советских временах и заставляет подозревать исключительно карьерные мотивы у его участников. Вероятно, более активное привлечение внимания СМИ к деятельности общественных организаций могло бы решить проблему популярности общественной деятельности, сформировала бы моду на добровольчество.

Эти проблемы, как показывают данные нашего исследования, успешно решаются там, где к разворачиванию добровольческой деятельности изначально относятся как к бизнес-проекту: анализируют соотношение затрат и результатов, находят ресурсы, изучают технологии работы, определяют цели и сроки.

8. Анализ мотивов добровольческого участия также позволяет предложить некоторые идеи для стимулирования добровольчества. В целом система мотивов добровольческой активности достаточно устойчива. В ходе массового опроса было выделено четыре основных фактора, мотивирующих к участию в инициативной группе или общественной организации. По степени убывания распространённости это: 1) расширение социальных контактов, 2) карьера, 3) идеалистические (альтруистические) мотивы и 4) самопомощь. Ни один из этих факторов не стал определяющим, то есть ни один не присутствовал у всех участников опроса. Значимые различия наблюдаются в разных возрастных группах. У молодежи на первый план выходит мотивация, связанная с желанием приобрести нужные для работы опыт и навыки, пообщаться и просто приятно провести время, у старшего поколения – альтруизм, желание помогать. Это значит, что общественные организации, привлекающие молодежь в качестве добровольцев, должны думать о стимулировании их деятельности, в частности, устраивая мероприятия, стимулирующие знакомства, общение добровольцев друг с другом, взаимопомощь в среде добровольцев.

9. Отдельная тема исследования – включенность добровольцев в разные формы политической активности. Мы обнаружили, что включены в конструктивную и протестную деятельность представители одних и тех же типологических групп. Это сравнительно обеспеченные и образованные представители городского среднего класса.

Политическая активность авангардных групп во многом определяется отсутствием реакции властей на актуальные запросы со стороны общества. Перспективы конструктивного взаимодействия активистов с властями, если судить по материалам групповых дискуссий, зависят не столько от доброй воли властей, сколько от ресурсов активистов: их солидарности, компетентности и решительности. Там, где эти ресурсы складываются, успех вполне возможен. Этот успех становится самостоятельной предпосылкой системной политической эффективности. Ощущение, что коллективные действия **могут влиять** на ситуацию в той сфере, которая является предметом заботы добровольцев, приводит к тому, что самоорганизующиеся граждане начинают расширять сферу своих компетенций и интересов. Например, деятельность начинается как благотворительная и трансформируется в политическую тогда, когда возникают системные барьеры этой благотворительности в виде отсутствующих или препятствующих правил.

Формирование «ответственного класса» в нашей стране, судя по результатам исследования, будет идти среди авангардных групп горожан, сотрудничающих с властями в решении системных социальных проблем, главная из которых – понятные, прозрачные легитимные правила жизнедеятельности, ориентированные на благополучие всего социума. Такая установка предполагает социальную компетентность участников с обеих сторон и делает все более явным запрос на патриотизм.

Полученные результаты позволяют, с одной стороны, прогнозировать улучшение «гражданского климата», а с другой – рост (правда, с разной «скоростью» и на различных, хотя и пересекающихся социальных базах) как добровольческого, так и протестного движений по мере роста благосостояния населения и смены поколений.

10. Поскольку предметом споров, а то и конфликтов с властями часто становится деятельность самоорганизующихся групп граждан по месту жительства, мы подробно проанализировали эту

проблему. Особенности выстраивания как внутренних, так и внешних отношений местным сообществом во многом зависят от сложившихся культурных особенностей и интересов населения, социально-экономической и политической обстановки в регионе, распределения сфер влияния финансово-промышленных групп. В рассмотренных случаях – в крупнейших городах европейской части России – эффективное функционирование территориальных объединений жителей определяется прежде всего активной позицией граждан, грамотной организацией информационного пространства в определенных интересах, включая развернутую аргументацию, апелляцию к законодательству, использование как институциональных, так и неформальных способов воздействия на органы власти и непосредственных исполнителей принятых решений.

Актуальность таких проблем, как выстраивание неравноправных отношений с чиновниками, низкая степень информационного обеспечения и участия заинтересованных граждан в процессе принятия и реализации управленческих решений, свидетельствуют о потребности разработки и применения социальных технологий согласования общественных интересов. Особенно это касается специальных образовательных программ для всех участвующих в благоустройстве и развитии территории, включая местные власти, проектировщиков, инвесторов, местных жителей – активных субъектов формирующегося гражданского общества. Такой комплекс мероприятий будет способствовать повышению культуры участия в общественно-правовых мероприятиях, носящих дискуссионный характер, расширению социальной компетенции, решению задач сбалансированного социально-экономического развития территорий.

11. Анализ трудностей и перспектив развития добровольчества в разных сферах жизни общества так или иначе выводил участников исследования на общую проблему солидарности. Солидарность является базовым условием и важнейшим результатом добровольческой деятельности. Вместе с тем, не всякое совместное с какой-либо группой действие (поведение) можно считать солидарным. Прежде всего, солидарные действия основаны на ответственной взаимозависимости. Человек (актор) солидарен с теми, за кого чувствует определенную ответственность и на кого может рассчитывать. Свободный выбор той или

иной общности и ответственность выступают в роли «каркаса» и критерия солидарности. Ответственность предполагает осознание значения, веса сообщества в процессах, затрагивающих интересы актора.

Сейчас, похоже, идет восстановление, реставрация солидарного сознания и солидарных практик эмпирическим путем. Этот путь проходит через, вообще говоря, довольно искусственные практики совместного проведения досуга, что, впрочем, тоже приносит свои плоды.

Если судить по данным нашего исследования, пока не существует разделяемого всеми участниками волонтерского движения представления о границах солидарных сообществ, общественную деятельность в которых можно назвать добровольческой. Можно ли считать добровольчеством взаимопомощь в локальных общинах, помогающих только своим (группы самопомощи)? Не всегда ясно, где проходит грань, выделяющая этих «своих».

12. Анализ мнений лидеров общественных инициатив и организаций показывает, что для успеха инициативы нужен лидер-инициатор процесса, обладающий авторитетом в социуме или способный его завоевать. Такого человека мы назвали социальным новатором. Успех в начинаниях социального новатора приходит легче и быстрее, когда социальная инновация идет в контексте развития профессиональной деятельности инициатора. Но известны случаи, когда не профессиональный, но личный авторитет инициаторов становился базой для успеха общественной инициативы. Такова, например, история фонда «Подари жизнь» – одного из известнейших благотворительных фондов России.

Всех опрошенных нами лидеров отличает ярко выраженная *достижительная мотивация*. Она проявляется в рефлексивном мониторинге условий и возможностей для реализации своих планов, а также в готовности деятельно, на практике осваивать открывшиеся институциональные возможности; создавать соответствующие им новые системы правил; сообразно им организовывать как свое взаимодействие с окружающим социальным миром, так и свои повседневные рутинные действия. Кроме того, очень скоро социальные новаторы убеждаются, что чем больше их сторонников или просто обычных людей

начинают руководствоваться этими правилами, тем значительнее успех начинания.

Важное условие успеха социальных новаторов – вменяемая власть, которая способна к диалогу с лидерами этого социума. Однако стоит оговориться, что такой диалог возможен тогда, когда деятельность гражданских лидеров не противоречит материальным интересам представителей власти и влиятельного бизнеса. Социальные новаторы из числа лидеров общественных организаций, как правило, добиваются успеха там, где бизнес и власти ориентированы на долговременные стратегии развития региона.

Ресурсы российского добровольческого движения

Аналитический доклад по результатам исследований
Фонда Общественное Мнение 2012–2013 гг.

Фонд Общественное Мнение (ФОМ) – независимая некоммерческая социологическая служба, основанная в 1991 году.

С 1992 г. ФОМ проводит самостоятельные опросы населения на темы внутренней и внешней политики, социальных и экономических проблем, а также маркетинговые исследования.

В 1996 г. ФОМ становится базовой социологической организацией предвыборного штаба Б.Н. Ельцина, начинает заниматься электоральной социологией.

С начала 2000-х годов ФОМ постепенно трансформируется в «фабрику опросов».

Общероссийские репрезентативные опросы проводятся еженедельно, растет региональная сеть партнеров, круг клиентов значительно расширяется. Проводится множество исследований разного масштаба и тематики. Фонд активно присутствует в масс-медиа. Запускается издательская программа.

2001 г. – ФОМ проводит крупномасштабное исследование, приуроченное к первому Гражданскому форуму (ноябрь 2001 г.), по результатам которого опубликована монография «Поговорим о гражданском обществе» (М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001).

2004 г. – ФОМ запускает крупные социологические проекты по сопровождению государственных социальных программ – национальных проектов. Идет активная работа по освоению новых исследовательских методик и технологий. Региональная ФОМ-сеть охватывает практически всю страну.

2006–2009 гг. – ФОМ издает собственный журнал «Социальная реальность».

2007 г. – ФОМ проводит общероссийский мегаопрос «Гражданское общество», благодаря гранту, выигранному в I Открытом конкурсе проектов некоммерческих, неправительственных организаций, имеющих социальное значение, в сфере проведения социологических исследований и мониторинга состояния гражданского общества.

2008 г. – По результатам общероссийского мегаопроса ФОМ выпускает коллективную монографию «Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры» (М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008).

2009 – ФОМ занимает первое место в профессиональном рейтинге исследовательских компаний (РИК-2009) по версии Ассоциации региональных социологических центров «Группа 7/89».

2010 г. – ФОМ начинает работу с новыми методиками и технологиями активной социологии, основанными на принципах краудсорсинга. Задачи активной социологии – осуществление общественной экспертизы различных структурированных документов и отбор наиболее креативных и продуктивных идей и участников. ФОМ снова занимает первое место в профессиональном рейтинге исследовательских компаний (РИК-2010).

2011 г. – ФОМ получает грант в V Открытом конкурсе проектов некоммерческих неправительственных организаций, имеющих социальное значение, в сфере проведения социологических исследований и мониторинга состояния гражданского общества.

2012 г. – ФОМ на средства гранта проводит исследование «Ресурс добровольческого движения в авангардных группах», в котором помимо сотрудников ФОМ на добровольческих началах принимают участие высококвалифицированные социологи-волонтеры.

2013 г. – ФОМ продолжает изучение российского гражданского общества в рамках проекта ФОМ-СОЦ (см. <http://soc.fom.ru/>). Аналитический доклад «Ресурсы российского добровольческого движения» подготовлен по результатам исследования, проведенного за счет собственных средств ФОМ.